

Handwritten purple and blue markings, possibly numbers or characters, located in the upper right quadrant of the page.

Handwritten text on the right side of the illustration, possibly a signature or date, including the year "1904".

Н. Толстой.

ТРИ СЕСТРЫ.

СКАЗКА ВЪ СТИХАХЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ ВОЗРАСТОВЪ.

Рисунки и заставки автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. Девриена.

Молч

Ваша грамота милая, твоя любимая' дочка
И всей погодкой ваша перья пишущая
От слова первого и до последней строчки
Я посвящаю ей весь свой талант и слов.

И сам твой светлый ум и чуткие вниманье
Успешно охранять меня своей заботой
Какъ не знаешь все в конце второй главы
Но буду счастлива я не менее твоей все.

Когда, грех много жить, когда меня не будет
Во осеннем сумраке проснувшись дню,
Когда далекий миръ давно меня забудет,
Вспомню я иногда все впамяти мое.

с. - ч. Новинки.

1904 г.

А.

Б П С Н Я

Т

ише, дѣти, не шумите.

Смирно, рядышкомъ сидите;

Не болтайте вздора. — Ну,

Сказку я теперь начну.

В

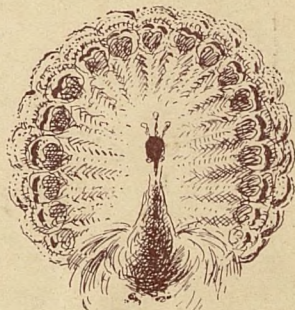
съ три дочери князя красавицы,

Что заря въ небесахъ, разрумянились,

И что лебедь въ волнахъ бѣлоснѣжная,

Н. Пасси
1904. 15

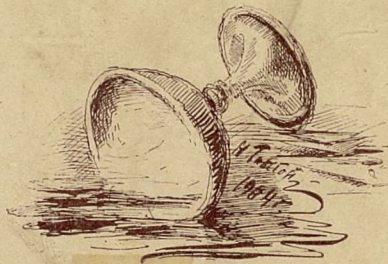
Въ терему ходитъ гордою павою
Мать-княгиня въ нарядѣ узорчатомъ,
Въ длинной фѣрязи яркой и шелковой.

Правду молвить, о чемъ и печалиться,
Домъ — богатый дворецъ, чаша полная.
Сундуки полны суконъ и бархату,
И узорной камки мелкотравчатой,
По свѣтлицамъ ковры шемахинскіе,
Шубы лисьи, наряды царь-градскіе;
А какъ выйдешь гулять за околицу,
Хоть направо, налѣво ворочайся,
Хоть скачи аргамакъ до полуночи:
Нѣту края владѣніямъ княжескимъ.
Такъ-то жили-ста князь со княгинею,
Жениховъ дочерямъ поджидаючи.

А и то про княженъ всюду славушка
Далеко прогремѣла хорошая.

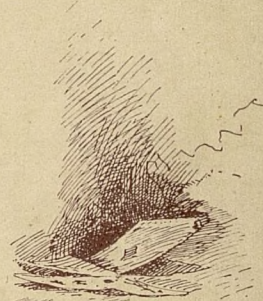
Къ старшей Ольгѣ-княжнѣ Буй-Туръ-Всеволодъ
Ужъ безъ малаго полгода сватался,
А Наташѣ-княжнѣ князя Свейскаго
Въ одинъ голосъ семейные прочили,

А княжнѣ, душѣ-Машенькѣ, славнаго,
Съ земли греческой, Младъ-Королевича.

Да не то, видно, Господу надобно,
Что себѣ прочитъ умъ человѣческій.
Прожились, разорились до бѣдности
Князь съ княгиней своей ненаглядною.
Невпопадъ, зная, рука тароватая
Безъ поры, безъ нужды и безъ времени
Въ калиту за казной опускалася.
Не убогаго, сираго, нищаго
Награждала лептой, подаяніемъ,
Одѣляла голоднаго пищею...

Нѣтъ. Знать праздную челядь лукавую
Князь, вишь, безъ толку золотомъ жаловалъ
Да проигрывалъ ставки за картою.

Только долго ль, коротко ли сталося
Такъ ли, этакъ оно приключилося:
Стали князь со княгиней матушкой
Вотъ бѣднѣ послѣдняго нищаго,
Такъ что нечѣмъ обѣдать о праздникѣ,
Какъ пришли всей семьей отъ заутрени,
Залилася княгиня горячими:
«Гдѣ собирались вы, тучи могучія,
Что по небу плывя разростаетесь,
Кроя частыя звѣзды и солнышко.

Ночью темной надъ степью безбрежною
Хоть и выплыветъ мѣсяцъ на небушко,
Да недолго, знать, блещетъ играючи,
Злато-серебро, свѣтъ преливаючи.
Встрѣчь бѣгутъ ему малыя облаки,
А за ними вслѣдъ — черныя тученьки.
Охъ, въ несчастный ли день я родилася,
Прогнѣвила ли чѣмъ-либо Господа,
Какъ завѣтную перевязь дѣвичью
Я мѣняла на кичку рогатую;
И къ тому ли мы дочекъ готовили,
Чтобъ имъ въ дѣвкахъ остаться до старости,
До сѣдого, до сѣраго волоса...
Не спознать имъ ни доли, ни счастья.
Пропадутъ ни за что, какъ безъ солнышка,
Да безъ красныхъ безъ дней цвѣтикъ аленькѣй,

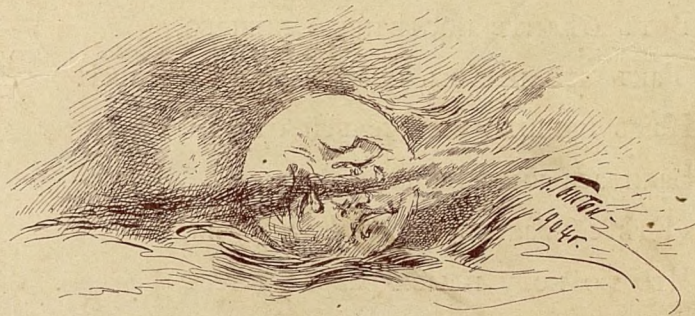
А ужъ мнѣ грусть тоска — не богатство,
Монастырскія стѣны высокія.

Тамъ наметкой прикрою головушку;

Рясу черную вздѣну я на плечи:

На роду, знать, такъ было написано».

Закручинился князь, нравомъ жалостный,
Въ душу совѣсть какъ въ дверь постучалася,
Шевельнулась змѣя въ сердцѣ лютая,

И злодѣйка-тоска какъ ужалила.
Онъ махнулъ рукой,
Самострѣль взялъ свой
И пошелъ бродить,
Куда глазъ глядить...

Думалъ, знай, онъ себѣ: «Хоть бы козочку,
Хоть бы козочку мнѣ бы для праздника
Царь Небесный послалъ изъ-подъ елочки.
Какъ придуть отъ обѣдни домашніе,
Было бъ чѣмъ ихъ къ обѣду порадовать».

Нѣтъ-то нѣтъ нигдѣ
Ничего кругомъ.

Вотъ за лѣсомъ большимъ, за вершинами
Тонетъ въ красное полымя солнышко;
Вотъ и тѣнь бѣжить, на лужкѣ лежитъ;

И роса хрусталь по травѣ вездѣ
Мелкимъ бисеромъ поразсыпалась;
Кудреватый боръ понасупился;
Съ голубыхъ небесъ ночь спускается.

Только вдругъ какъ шмыгъ
Да по пеночкамъ
Молода коза со козленочкомъ.

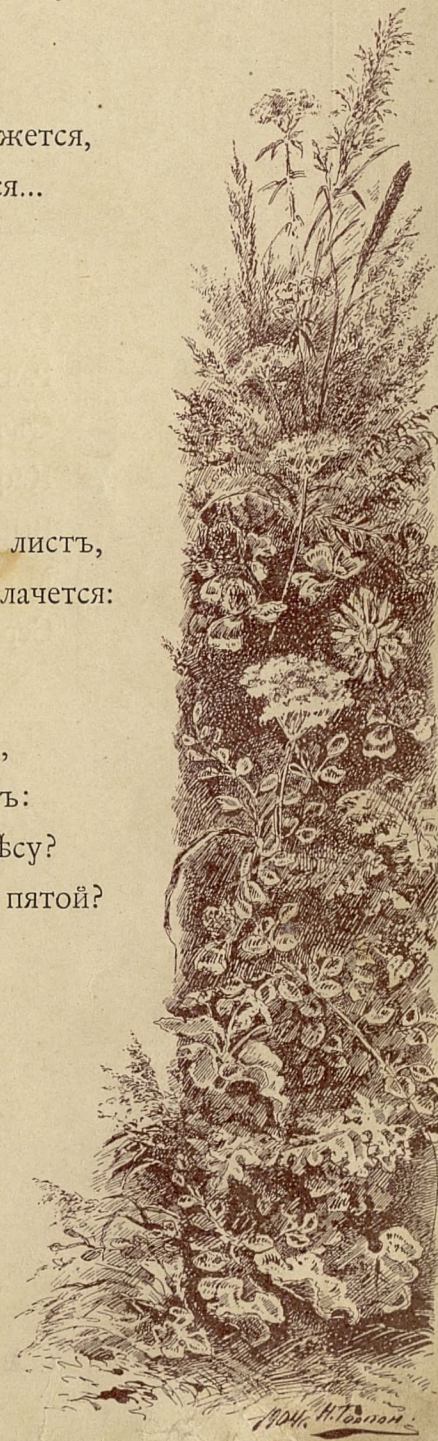

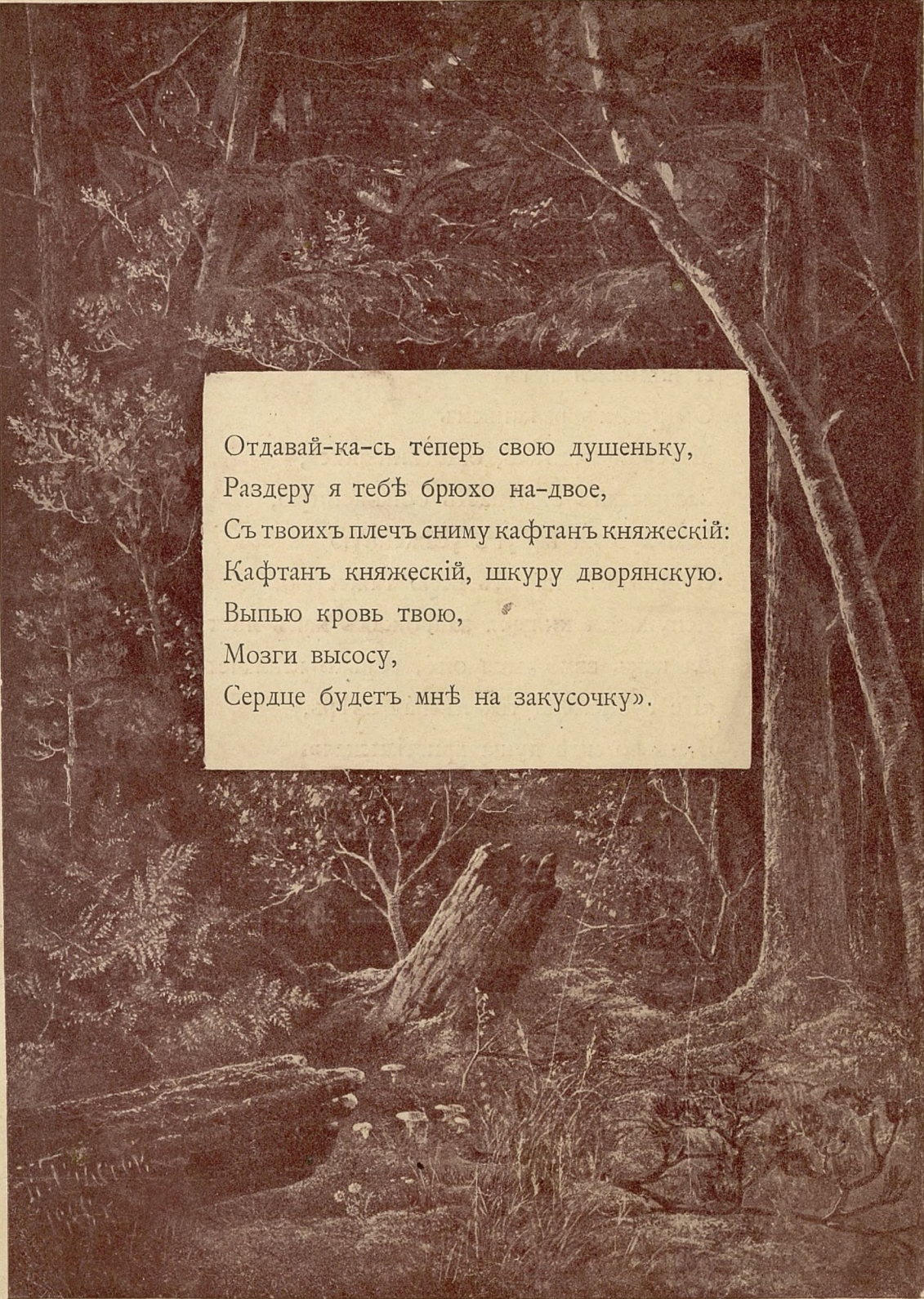
Приложился князь и метнулъ стрѣлу,
И на травушку палъ козленочекъ...
Хлопнулъ ручкою, радъ радехонекъ:
«Не обѣдали, будемъ съ ужиномъ».

Такъ воскликнулъ князь. Да вотъ лихъ-бѣда,
Что дремучій лѣсъ не разступится...
Не на стороны разступается,
Вѣтка съ вѣткою заплетается;
Вотъ чаша кругомъ непролазная,
Вотъ трава кругомъ щекотливая
Стала выше главы человѣческой,
Нагибается, наклоняется.

За рукавъ, за полу приплетається,
Не пускаєть ступити шагу твердаго.
А предъ княземъ гора путь-дороженьку
Заступила листомъ, сушыю сорною,
Кучей-кученской всякаго хворосту.
Только князь впередъ... какъ задвигается,
Сухой хворостъ вдругъ, заколышется...
И поднялся тутъ
Съ ревомъ рыканьемъ
Матерой медвѣдь, ошетилившись,
Раскрываль онъ пасть обнаженную,
Всю зубами вокругъ усаженную
И на князя насѣлъ всею тяжестью.
Испужался князь... задрожаль какъ листъ,
Да какъ взмолился онъ, горько всплается:
«Не губи меня ты, лѣсная звѣрь,
Вѣдь во мнѣ душа христіанская».
Заревѣль медвѣдь дикимъ голосомъ,
Словомъ молвилъ онъ человѣческимъ:
«А... зачѣмъ ты здѣсь у меня въ лѣсу?
Травишь дичь мою? Топчешь мохъ пятой?
А... умѣешь сучья подламывать,
А... умѣешь смолу пососкребывать,
Мои ягоды поотвѣдывать,
Землянику, малину пожевывать,
Елей, сосенъ коренья подтачивать,
Неуказанныя тропы прокладывать...»

Отдавай-ка-сь тѣперь свою душеньку,
Раздеру я тебѣ брюхо на-двое,
Съ твоихъ плечъ сниму кафтанъ княжескій:
Кафтанъ княжескій, шкуру дворянскую.
Выпью кровь твою,
Мозги высосу,
Сердце будетъ мнѣ на закусочку».

Холодѣетъ князь, кровь застынула;
Дыбомъ волосы поднимаются...
Губы блѣдныя чуть раскрылися,
Взоры грустные молятъ жалобно:

«Не губи меня,
Отпусти меня,
Возьми выкупомъ все, что вздумаешь».

И взревѣлъ медвѣдь пуше прежняго:
«Ольгу, дочь твою, дай мнѣ выкупомъ,
Я женюсь на ней безъ приданаго:
Безъ приданаго, самъ вамъ выкупъ дамъ,
Чтобы жить ужъ вамъ припѣваючи».

«Что ты, свѣтъ-медвѣдь, отвѣчаешь князь:
Какъ я сдѣлаю грѣхъ неслыханный,
Какъ отвѣтъ въ томъ дамъ Богу-Господу?»

А медвѣдь молчитъ

Да надъ нимъ сопить.

Онъ звѣриныхъ словъ не растрчиваль,

Ему голову поворачиваль.

И вздохнулъ тутъ князь:

«Ну, бери одну.

Хоть возьмешь одну, двѣ останутся».

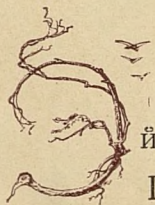
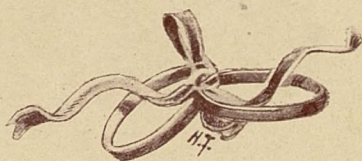
Все пропало вдругъ: лѣса нѣтъ какъ нѣтъ.

Лишь опушки даль чуть синѣтся,

Съ неба солнышко внизъ спускается

Недалеко домъ возвышается...

Возвратился князь и сказалъ женѣ:
«Ну жь умаялся! Сбирай ужинать...
Вотъ на ужинъ вамъ здѣсь козленочекъ,
Дорогой цѣной мною купленный,
Каленой стрѣлой поприконченный».
И расплакался князь вздыхаючи,
Слезы горькія утираючи:
«Ты поди сюда, моя Олюшка,
Такъ и такъ, жена, я просваталъ дочь,
За лѣсную дичь, звѣря лютаго,
За медвѣдя, слышь, чернобураго».

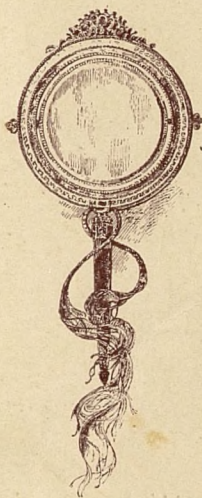
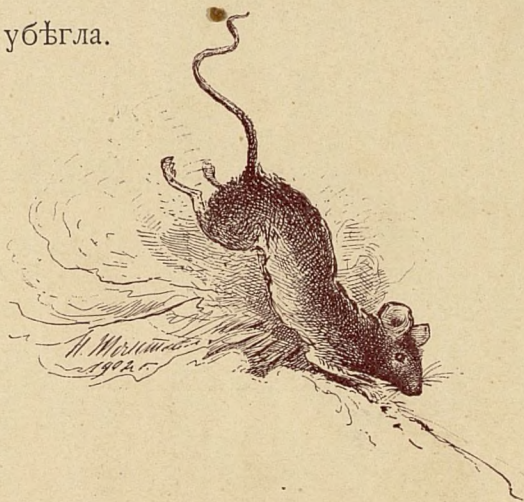

И, сестрицы, солнце встало,
Прямо смотритъ вамъ въ лицо.
Васъ заря будитъ устала;
Дверь открыта на крыльцо.
Княжій конюхъ вороного
Съ водопоя ужъ ведетъ.
За водой сегодня снова
Ни одна изъ васъ нейдетъ?

Эй, сестрицы, подымайтесь,
Мойте бѣлое лицо,
Наряжайтесь, одѣвайтесь,
Выходите на крыльцо».

Мышка сестрамъ полевая
Пропищала и смолкая
Добѣжала до угла,
Шмыгъ, и въ поле убѣгла.

Льга тутъ зашевелилась,
Приумьслась, нарядилась
И неспѣшною стопой
Тихо вышла за водой.
Только воду прихватила,
Какъ бубенчики гремятъ,
Колокольчики звенятъ.
Вотъ карета подкатила,
Вся изъ чиста серебра,
«Стой!» и стала средь двора.

Кони бьются удалые,
Кучера кричатъ лихіе,
И, смахнувъ съ подножки соръ,

Пажъ карету отворяетъ
И широкій разстилаетъ
Шитый серебромъ коверъ.
Тутъ къ дѣвицѣ подбѣгаетъ

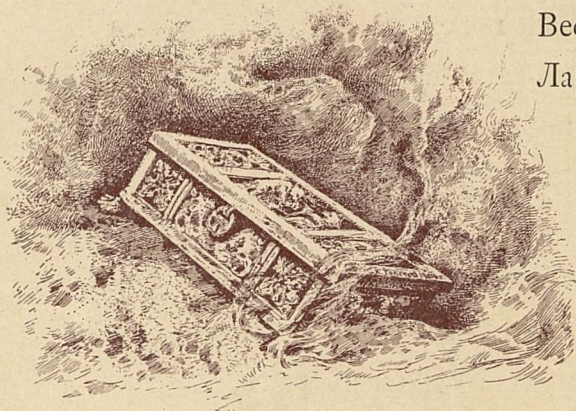
Чернобровый удалецъ,
Раскрасавецъ-молодецъ:
Изъ-подъ шапки кудри выются.
Очи весело смѣются,
Ну, такой-то ловкій хватъ,
Говоритъ: «Я очень радъ,
Я давно о васъ мечтаю
И тотчасъ же приглашаю
Во дворецъ ко мнѣ большой,
Чтобъ моею быть женой».

Тутъ подъ ручку Олю хватъ
И въ карету. Дверцей шваркнулъ,
«Гей, пошелъ!» лакеямъ гаркнулъ.
Кучера давай стегать:
Кони съ ржаніемъ взвились,

Глядь, и птицей понеслися...
И безъ дальнихъ лишнихъ словъ
Нашъ молодчикъ — былъ таковъ,
Точно дымъ въ туманѣ бѣломъ
Все исчезло мутнымъ сномъ.
Только видна пыль столбомъ,
Да на мѣстѣ опустѣломъ
Пара ведеръ кувыркомъ.

Князь съ княгиней прибѣжали —
Ахъ!.. Но тутъ же увидали
Весь окованный, большой
Ларь съ серебряной казной.

Какъ тутъ быть, — погоревали,
Потужили, повздыхали,
Унесли сундукъ съ собой
И утѣшились вскорѣ:
Стали правой и лѣвшой,
Ни о чемъ ни съ кѣмъ не споря,
До нечаяннаго горя
Серебро всѣмъ раздавать,
Пышно жить да поживать.

удь ты хлопъ или царь могучій,
Будь бояринъ, князь иль попъ,
Продолби хоть думой лобъ,
Не избыть тебѣ горючей,
Неутѣшной, неминучей,
Злой кручины и бѣды.
Такъ-то слышалъ я частенько,
Да не то еще бѣда,
Если съ рожью лебеда;
Нѣтъ, когда придетъ крутенько,
Въ разъ бываютъ двѣ бѣды,
Что ни ржи, ни лебеды...
А пока есть лебеда,
Мы не тужимъ никогда.
Сдохнетъ нѣмецъ и французъ:
А на нашъ на русскій вкусъ
Не зовемъ того бѣдою,
Проживемъ и съ лебедою.

Нѣтъ ея—про нашу честь
Шхерду *) съ хрѣномъ станемъ ѣсть,
А ужъ хуже нѣтъ уловки,
Какъ, добравшись до ужовки,
Голова кругомъ поидетъ,
Вся семья съ нея плюетъ,
Угоритъ и носомъ клюетъ,
На работушку нейдетъ.
Всю съѣдимъ о тѣ поры,
Доберемся до коры.

Но гармошка, плясъ и пѣнье,
Если легокъ вѣтерокъ,
Какъ всегда, подъ вечерокъ,
Раздаются въ воскресенье.
Ну, а тутъ гляди, какъ разъ,
Рожъ съ овсомъ поспѣла вразъ.

Такъ-то князь съ княгиней; разъ,
Какъ у нихъ перевелась
Вся казна,—пришло крутенько,

*) Шхера и ужовка — травы; первая въ родѣ дикарки, вторая изъ семьи болотныхъ зонтичныхъ. Крестьяне Самарской губернии питаются ими во время голодовокъ, при чемъ вторая употребляется въ пищу, когда больше нѣтъ первой, и имѣеть, несомнѣнно, ядовитыя свойства.

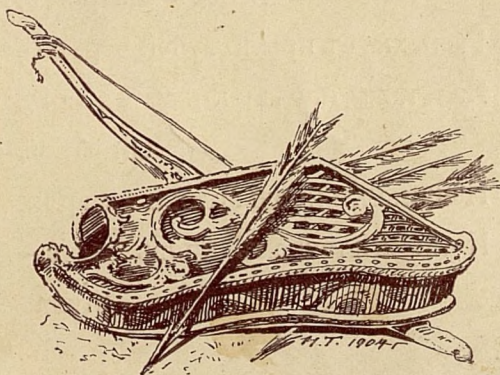
И княгинюшка опять
Незамѣтно, но частенько
Стала плакать да вздыхать...

Князь кафтанъ однажды хвать,
Кушачкомъ себя окинулъ,
Шапку на брови надвинулъ:

Онъ махнулъ рукойъ,
Самострѣль взялъ свой
И пошелъ бродить,
Куда глазъ глядитъ...

Думалъ такъ онъ себѣ: — «перепелочку
Хоть пошли Господь изъ-подъ елочки!»

Нѣтъ-то, нѣтъ нигдѣ
Ничего кругомъ.

За горами внизъ въ красномъ полымѣ
Въ тучку солнышко опускается,
Въ моховомъ лѣсу, надъ болотиной
Дубъ до тучъ-небесъ подымается.
Ужъ роса-туманъ пала на землю,
Ужъ отъ дуба вдаль тѣни длинныя
Побѣжали мхомъ, извиваются;
Изъ дали глухой несетъ сыростью.
Съ неба на землю ночь спускается...

Только вспорхнувъ—шмыгъ
Изъ-подъ елочки
Да на князя вдругъ перепелочка.
Приложиться князь не успѣлъ путемъ,
Самострѣль стрѣлу самъ метнулъ какъ разъ,
Перепелочка

Да съ подъ елочки
Князю въ ноженьки
Покатилася.

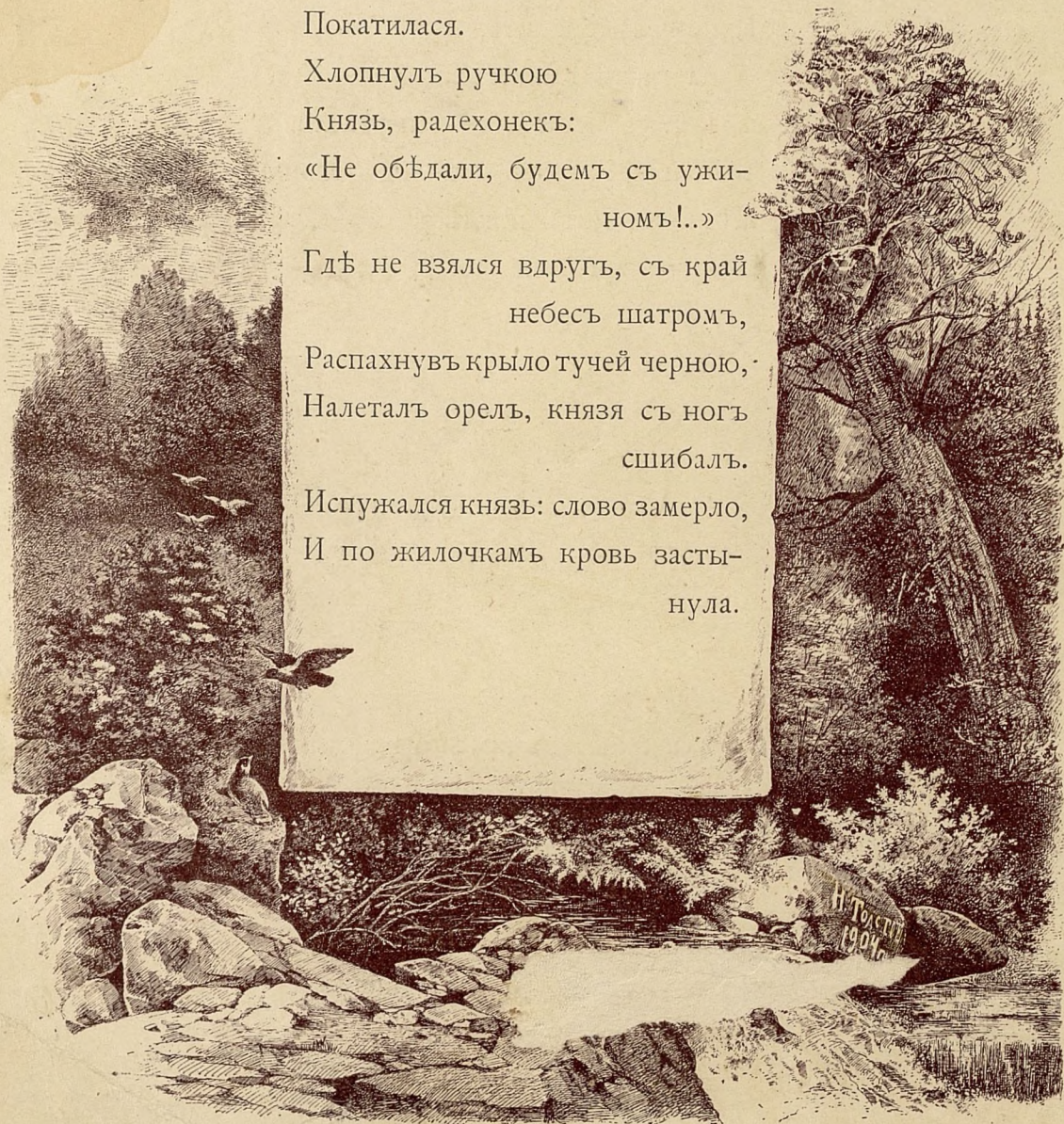
Хлопнулъ рукою
Князь, радехонекъ:

«Не обѣдали, будемъ съ ужи-
номъ!..»

Гдѣ не взялся вдругъ, съ край
небесъ шатромъ,

Распахнувъ крыло тучей черною,
Налеталъ орелъ, князя съ ногъ
сшибалъ.

Испужался князь: слово замерло,
И по жилочкамъ кровь засты-
нула.

Губы блѣдныя пораскрылися,
Молвятъ чуть-едва слышнымъ шопотомъ:
— «Чего, царь лѣсной, тебѣ надобно?»
Отвѣчалъ орелъ зычнымъ голосомъ:

— «Чего надобно?

Живья свѣжаго!

Кровью теплою

Опохмелиться,

Очи зоркія те повыклевать,

Сердце вырвать вонъ на закусочку.

Ишь... ты вздумалъ что,

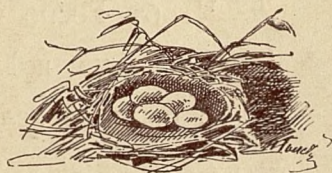
Мою дичь губить!..»

Испугался князь пуше прежняго,

И взмолился онъ слабымъ голосомъ:

— «Отпусти меня, птица Божія!

Всѣмъ, чѣмъ хочется твоей душенькѣ,

Лишь скажи скорѣй, себя выкуплю.

Не губи меня, отпусти меня,
Вѣдь душа во мнѣ христіанская».

Закричалъ орель по-орлиному,
До костей впились когти острые
Князю бѣдному въ тѣло бѣлое,
И взмолился князь стономъ жалобнымъ:
— «Ради Господа, Христа небеснаго,
Отпусти мою душу грѣшную,
Помолюсь за тебя въ церкви Божіей,

Чтобъ Господь хранилъ, наградилъ во всемъ,
Всѣмъ-то, всѣмъ твое премогучее
И орлиное величество».

Отпустилъ его изъ когтей слегка,
И сказалъ орель яснымъ голосомъ:
— «Выдай выкупомъ дочку въ замужъ мнѣ
Дочку среднюю, свѣтъ Наташеньку;
Я женюсь на ней безъ приданаго,
Самъ вамъ выкупъ дамъ —
Жить безбѣдно вамъ».
«Что ты, свѣтъ-орель, отвѣчаетъ князь
Какъ я сдѣлаю грѣхъ неслышанный,
Какъ отвѣтъ въ томъ дамъ
Передъ Господомъ?..»
А орель молчитъ, отряхается,
Съ подъ бровей стрѣлой строгій глазъ глядитъ,

Лапа вся въ когтяхъ подымается,
На глаза въ лицо опускается.

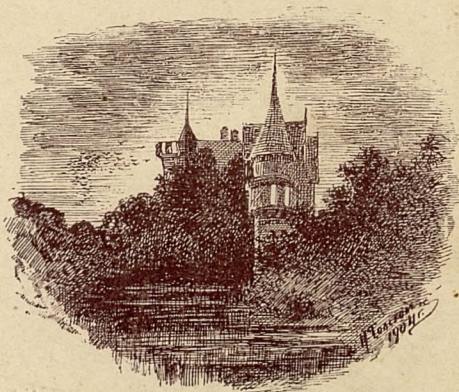
И вздохнулъ тутъ князь:
— «Ну, ужъ Богъ съ тобой,
Бери среднюю дочь любимую,

Красно-солнышко свѣтъ Наташеньку».

Ужъ тому онъ радъ,
Что меньшая дочь
Хоть одна въ дому
Да останется.

Вдругъ пропало все; только пажити
Далеко кругомъ разстилаются,
Да поляны даль чуть синѣтся...
Княжій теремъ тамъ возвышается.

Князь пришелъ домой себѣ къ вечеру,
Онъ вошелъ-вошелъ во свѣтелочку,
Онъ бросалъ на столъ перепелочку,

Заливался слезами горячими:
— «Ты поди сюда, свѣтъ Наташенька,
Не носить тебѣ ленту красную,
Не чесать тебѣ косу русую,
Не дышать тебѣ вольной волею...

Эхъ, княгинюшка бѣлолицая,
Прогнѣвили мы, видно, Господа.
Ты слыхала-ль, что со мной сталося,
Что случилось, приключилося?
Я просваталъ дочь за чужой удѣлъ,
За чужой удѣлъ птицу вольную,
За орла, ты слышь, поднебснаго».

И, сестрицы, утро встало
И на васъ глядѣть устало
Сквозь узорное окно.
Ужъ, смотрите, солнце въ небѣ
Высоко стоитъ давно,
Въ золотистомъ спѣломъ хлѣбѣ
Наливается зерно.

Вы скорѣ выходите,
Вы на солнышко взгляните,
Какъ алмазами оно
По листамъ затрепетало,
Какъ дышать привольно стало
Ранней утренней порой,
Пѣсни громко распѣвая.
Что-жъ ни та и ни другая
Не идете за водой».

Такъ съ порога вызываетъ,
Суетится и порхаетъ
Прилетѣвшій изъ полей
Непосѣда-воробей.
Тутъ онъ въ плошкѣ сталъ купаться
И скакать и отряхаться,
Клювомъ крылья чистить сталъ,
Въ дверь порхнулъ и продолжалъ:

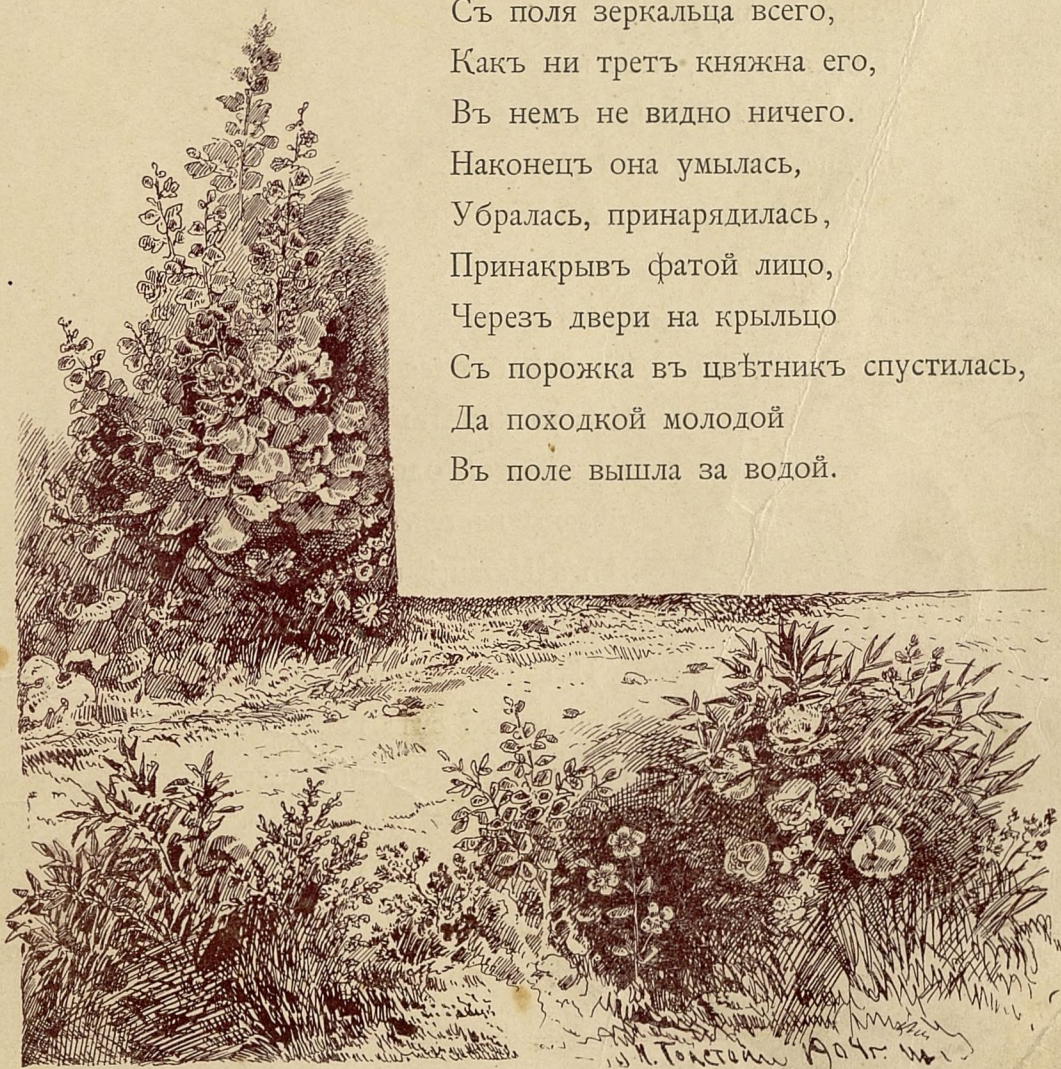
«Изъ-за-лѣса густого, дремучаго
Подымалось красное солнышко,
Умывалось росю студеною,
Утиралось травю шелковою,
Одѣвалось зарею румяною,
Говорило въ глаза тебѣ гляючи:
«Спи не спи, а вставать тебѣ надобно»
Гдѣ-жъ была ты, что утра не слышала,
Или спать тебѣ хочется до вѣку?
Такъ, прощай же!» вспорхнулъ, и за кустики.

Тутъ Наташа-свѣтъ, вставая,
 Потянувшись и зѣвая,
 Въ руки зеркальце беретъ.
 Ей лишь солнце въ очи бьетъ,
 Поглядѣться не даетъ.
 Сонно глазками мигая,
 Ихъ лѣниво протирая
 Бѣлой ручкой ото сна,

Водитъ зеркальцемъ княжна.
 Но, врываясь сквозь оконце,
 Такъ волной и пышетъ солнце
 Съ поля зеркальца всего,
 Какъ ни третъ княжна его,
 Въ немъ не видно ничего.
 Наконецъ она умылась,
 Убралась, принарядилась,
 Принакрывъ фатой лицо,
 Черезъ двери на крыльцо
 Съ порожка въ цвѣтникъ спустилась,
 Да походкой молодой
 Въ поле вышла за водой.

Только воду прихватила,
Какъ бубенчики гремятъ,
Колокольчики звенятъ.
Вдругъ карета подкатила,
Вся изъ рѣзбы золотой,
Крикъ понесся грозной: «Стой!»

А сидѣлъ въ каретѣ той,
Подбоченившись красиво,
Да такой, что всѣмъ на диво,
Чернобровый удалецъ,
Раскрасавецъ-молодецъ,
И прекраснѣй, и моложе,
Я могу увѣрить васъ,
Лучше прежняго въ сто разъ...

И кафтанъ на немъ дороже:
Весь горитъ, какъ солнца жаръ;

Отъ коней клубится паръ,
Такъ и бьются удалые,
Кучера кричатъ лихие,
Въ золотой одеждѣ пажъ
Дверцы настежь отворяетъ,
И къ Наташѣ подбѣгаетъ
Удалой молодчикъ нашъ.

Изъ-подъ шапки кудри вьются,
Очи весело смѣются,
Ну, такой-то ловкій хватъ.

Говоритъ: «Я очень радъ,

Я давно о васъ мечтаю
И тотчасъ же приглашаю
Во дворецъ ко мнѣ большой
Быть хозяйкой и женой».

Тутъ за ручку онъ Наташу
Да съ собою голубку нашу
Безъ премудрыхъ лишнихъ словъ
Посадилъ — и былъ таковъ.

Кони въ воздухѣ взвились,
Птицей въ небѣ понесли,
И въ мгновеніе, какъ разъ,
Все исчезло вонъ изъ глазъ.

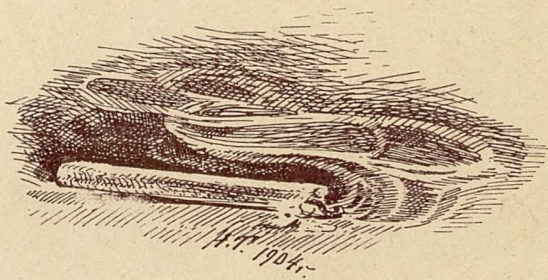
Сонъ порою такъ приснится,
А попробуй пробудиться,
Не угонишься за сномъ.

Такъ и тутъ, какъ все пропало,
Только сразу пусто стало,
Вьется въ полѣ пыль столбомъ,
А на мѣстѣ опустѣломъ
Пара ведеръ кувыркомъ.
Да еще въ песокѣ глубоко
Позавязшій однимъ бокомъ
Ларь тяжелый и большой
Весь съ казною золотой.

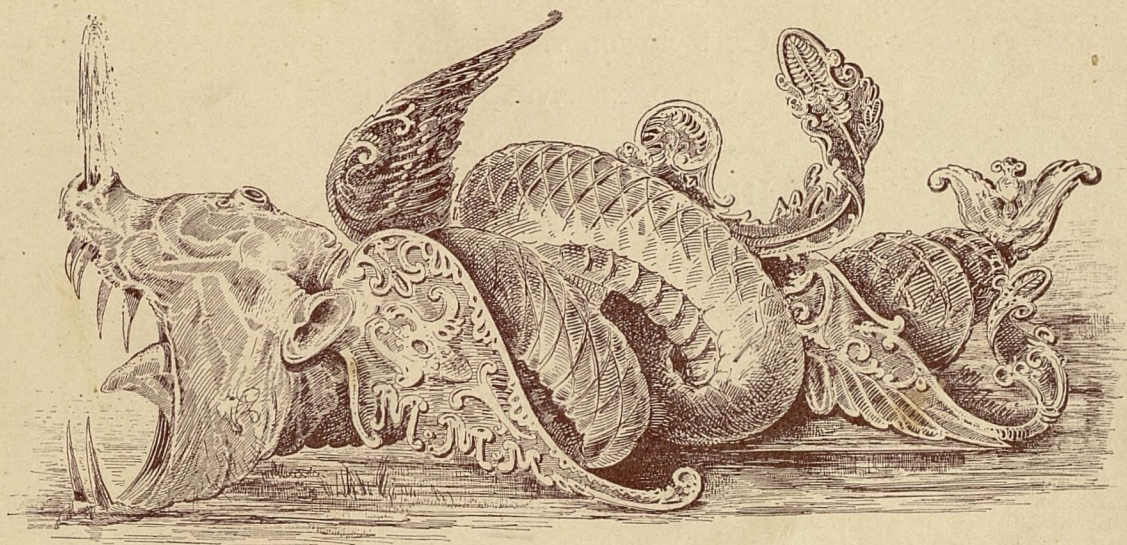
Князь съ княгиней прибѣжали,
Потужили, повздыхали;
Ларь же сдвинуть не смогли,
Но, созвавъ толпу народу,
Положили на подводу
И съ собою увезли...

Да и тутъ не вышло проку.
Съ той поры съ княгиней князь
Снова зажали широко
До поры, какъ извелась
Вся казна въ ларяхъ подвала;
А какъ снова пусто стало
И въ карманахъ и въ шкапахъ,
Въ кладовыхъ и сундукахъ,
Такъ опять нужда настала,
Запечалились они,
И пришли худые дни.

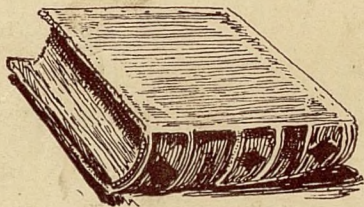

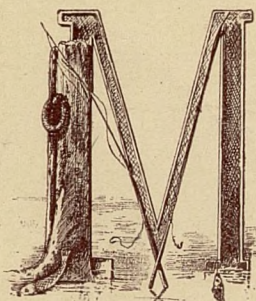
ВѢСНА IIIA

коро сказка говорится,
Но быстрѣи того катится
Время. Кто имъ править?— Богъ.
Безъ Его соизволенья
Съ нашимъ бѣднымъ разумѣньемъ
Говорять, никтобъ не могъ
Перейти черезъ порогъ
Но на Господа надѣйся,
Самъ, однако, не плошай.
Охраняетъ Царь Небесный
Влеблагой рукой чудесной
Береженныхъ: — такъ и знай.

Если ты, не возгордясь,
Встанешь, Богу помолясь,
Жди себѣ успѣхъ и прибыль,
Слушай все: и былъ, и небыль,
Самъ молчи, твори добро;
Злато, жемчугъ, серебро,
Все богатство — тлѣнъ и скверна.
Нѣтъ дороже правды вѣрной,
Но и съ ней бѣда, — какъ разъ
Ей проткнешь сосѣду глазъ.
Человѣку во спасенье
Силы двѣ всего даны
Межъ собой онѣ равны:
«Божій промыселъ» и «воля»;
Въ нихъ хранится наша доля
На добро и благодать
Ихъ умѣй крестомъ связать
И смотри, когда за станомъ
У враговъ не станешь паномъ.
Ну, а сказку чередомъ
Станемъ сказывать потомъ.

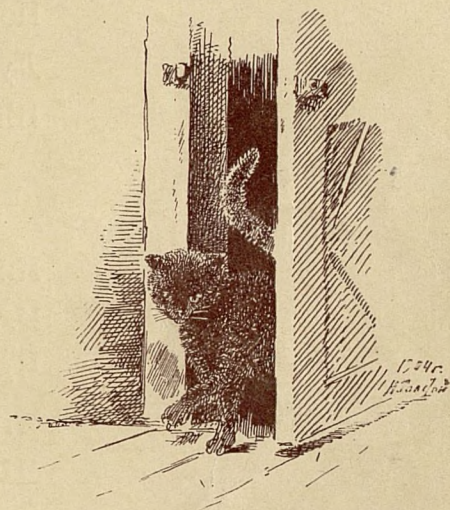
ного золота было разсыпано
Добрымъ княземъ съ княгинею ласковой,
Только всей-то нужды не засыпано,
Денегъ крошки однѣ ужъ остались,
А нужда, какъ котенокъ привязчивый,
Только выгналъ опять въ двери просится.

Стой уставленный столъ хоть до вечера,
А къ обѣду подать снова нечего.

Что тутъ дѣлать?

Украдкою удочку

Князь со стѣнки снимаетъ скорехонько,
На охоту опять снаряжается,
Вдоль по заводью плыть собирается.
Сѣлъ на челнѣ и на озеро дальнее
Править онъ все впередъ, не повернется,
Не свернетъ и назадъ не обернется.

ихо озеро. Чайки крылатыя
И касаточки рѣютъ близехонько.

Кинуль леску, глядитъ грустно на воду,
Поплавокъ потихоньку колышется.
Дума-думушка вотъ невеселая
Широко въ головѣ разростается.

Только, глядь, поплавокъ вздрогнулъ,
вертится,

Князь тащитъ къ себѣ леску шелковую,
Надъ водою плеснула подковаю.
Что янтарной спиной со проточиной,
Что со чернью, бокомъ серебрянымъ
Щука-рыба, злодѣйка зубатая,
Прикусила лесу да и сгнула,

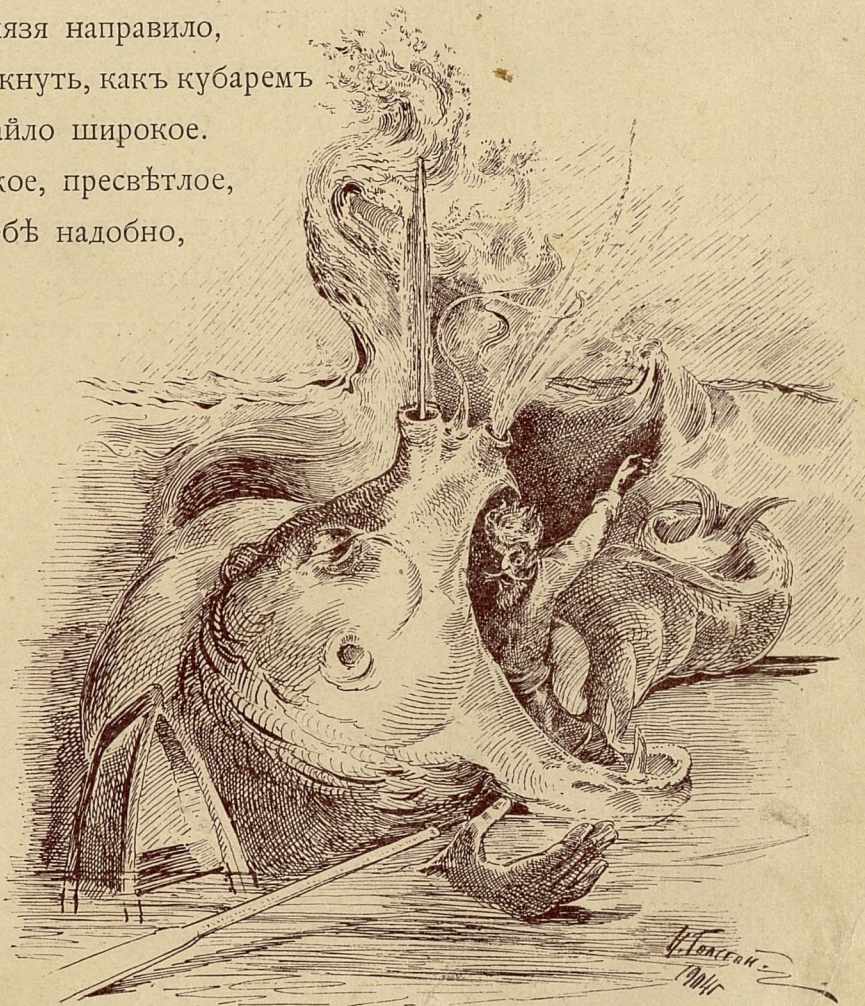
Только въ волнахъ мелькнула лазоревыхъ.

Затужилъ князь, схватился за волосы.
Глядь, не видно почти ужъ и берега.
Бросилъ леску, за весла хватается.
Сталъ онъ грестъ всею силой безъ устали,
А челнокъ дальше, дальше уносится.
Берега убѣгли во всѣ стороны...
А на озерѣ буря колышется:

Тучи къ самой водѣ опустилися,
И дробится волна пѣной бѣлою
И глушитъ Божій свѣтъ ревомъ-бурею.

Наконецъ, глубь морская раздвинулась,
Разлетѣлся челнокъ щепкой на-двое,
А изъ бездны вздымается страшное
Чудо-юдо, морское чудовище...
Пасть на сажень широко раскинуло,
Глазъ единый на князя направило,
Не успѣлъ онъ и крикнуть, какъ кубаремъ
Полетѣлъ ему въ хайло широкое.
— «Чудо-юдо, морское, пресвѣтлое,
Знаю, знаю, чего тебѣ надобно,

Видно, дочкой придется послѣднею
Откупиться отъ смерти безвременной».
Закричалъ князь, что было въ немъ голосу,
Руки, ноги равнявъ упираючись

И скользя внизъ по желобу склизкому.
— «Чудо-юдо, великое, славное,
Пощади, не глотай ради Господа,
Безъ молитвы, поста, покаянія,
Душу грѣшную попъ нашъ и батюшка,
Знаешь самъ, отдавать не приказывалъ,
А съ меня, чего хочешь, то спрашивай».

И рванувшись, вода вдругъ сомкнулася,
Въ сердцѣ князя потухло сознание.

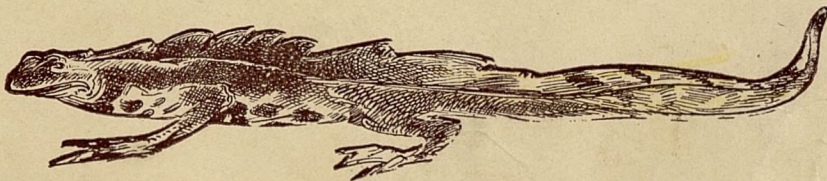
Поздно вечеромъ дома хватились,
Князя всюду искали домашніе,
Наконецъ, на песокѣ, вмѣстѣ съ тиною
Всего въ травахъ морскихъ перепутаннымъ
Отыскали его охладѣлаго.
Долго бились съ нимъ, грѣли и холили,

Наконецъ-то очнулся... И горькія
Слезы началъ онъ лить неутѣшныя,
Ничего не промолвилъ княгинюшкѣ,
Слова даже не могъ онъ ей высказать;
Такъ и день, и другой — семь дней минуло.

отъ однажды до свѣту ранехонько,
Чуть заря поутру занималася,
Еще Маша княжна пораскинувшись
Почивала въ пуховой постелюшкѣ,
Приключилося дѣло неважное,
Незамѣтное дѣло случилось:
Изъ норы, изъ-подъ двери повыползла
Съ чернымъ гребнемъ вертлявая ящерка,
Грудка красная въ пятнахъ лазоревыхъ,
А глаза вотъ что малыя бусинки,
Съ золотистою вокругъ окаемочкой.
Маша спитъ да во снѣ улыбается,
Губки алыя чуть пріоткрылися,
Отъ головушки вдоль по подушечкѣ
Золотая коса разстиляется.
Вдругъ проснувшись она громко крикнула,
Смотритъ еле дыша: сила крестная!
По груди ползетъ ящерка черная
Да вертлявымъ хвостомъ извивается
И за лапкою лапку холодную
Прижимаетъ слегка къ тѣлу бѣлому.

Бросивъ звѣря въ окошко раскрытое,
Вышла Маша тихонько на улицу.
За водою идетъ, озирается,
Ведро звякнувъ чуть-чуть колыхаются,
Только оба водою наполнила,
Слышитъ вѣтромъ съ дороги повѣяло:
Гремятъ бубенцы,
Звонятъ колокольцы.

Вдругъ въ каменьхъ самоцвѣтныхъ
Перламутровый возокъ
Подкатилъ,

И на песокъ
Разстелили семицвѣтный
Слуги быстро во весь дворъ
Чудный шелковый коверъ.

Кони бьются удалые,
Кучера кричатъ лихѣ

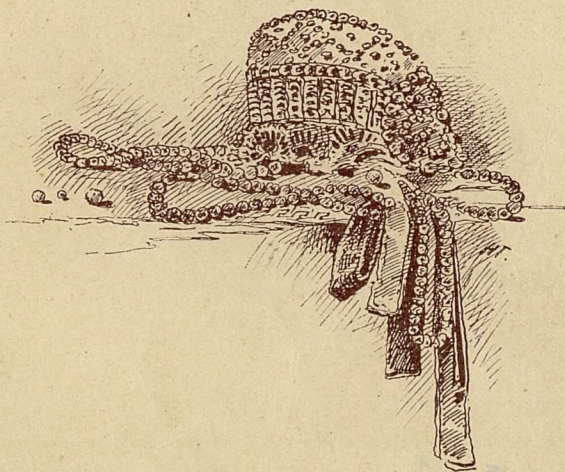
Слышенъ громкій голосъ: «Стой!»
Раскрасавецъ удалой
Къ душѣ-Машѣ подбѣгаетъ
И ее зоветъ съ собой.

Изъ-подъ шапки кудри вьются,
Очи весело смѣются,
Однимъ словомъ просто хватъ,
Лучше прежнихъ во сто кратъ.
Говоритъ ей: «Какъ я радъ.
«Я о васъ давно вздыхаю
Во дворецъ мой приглашаю
Быть супругой дорогой
И моею госпожей».

Онъ къ возку ее подводитъ,
Усадилъ, самъ слѣдомъ входитъ,
Шваркнулъ дверцей, и какъ разъ
Все исчезло прочь изъ глазъ.
Только вѣтеръ пыль колышетъ
На дорогѣ вдалькѣ.

Князь съ княгиней крики слышатъ,
Прибѣжали налегкѣ.

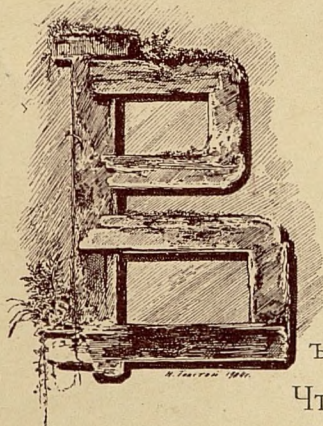
Что же видятъ? На песокѣ
Опрокинуты ведра,
А въ пыли засѣдшій твердо
Цѣлый жемчуга сундукъ.

Гуть начался гамъ и стукъ,
Всѣ толкаясь прибѣжали,
Кладъ тяжелый подымали,
Вотъ приподняли, несутъ
Въ кладовыя да подъ спудъ,
А потомъ съ поклономъ смирно,
Почесавъ бока и тыль,
Разошлись зѣвая мирно.
Князь печалень очень былъ,
А княгиня слезы точить,
Дни безъ радости пророчить.
Такъ остались вдругъ они
Одинешеньки одни.

Г

одъ за годомъ вслѣдъ несется,
То, что было, не вернется,
Прокричи тому прощай
Да бывое поминай.

ь тое время день случился,
Что у князя сынъ родился
И надъ нимъ отецъ и мать
Стали просто не дышать.

Ну-жъ и былъ ребенокъ видный
Такъ хорошъ и всѣмъ завидный,
Что и въ свѣтѣ мало есть.
И пошла къ тому же вѣсть,
Что успѣшно не по лѣтамъ
Такъ рости онъ сталъ при этомъ,
Что не въ мѣсяцъ и не въ годъ,
Въ часъ на прибыль онъ идетъ.
Какъ вошелъ онъ въ ростъ и силу
Все что только съ ними было
Полюбило молодца.

Въ шесть недѣль вставалъ на ножки
И ходилъ уже немножко.
Счастью не было конца.
Къ году бѣгалъ очень шумно,
Говорилъ весьма разумно...
Виноватъ, забылъ сказать
Володаремъ его звать.

Разъ,— зимою это было,—
На дворѣ погода выла,
Въ полѣ снѣгъ ходилъ столбомъ,

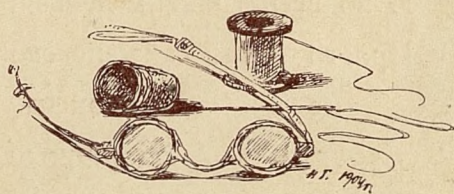
Даль и небо были слиты,
И метель гнала сердито
Хлопья вражымъ помеломъ.

Тихо сидя за столомъ,
Князь молоденькій, соскуча
Сквозь окно глядѣть на тучи,
Отъ окошка отходилъ,
Кудри низко уронилъ
И въ тоскѣ, слезу глотая,
Молвить, няню обнимая:
— «Еремѣевна, мой свѣтъ,
Прожила ты столько лѣтъ,
Разгони мою кручину,
Объясни тоски причину,
Скучно мнѣ, такъ сердцу больно
Что слеза бѣжитъ невольно.
Я не знаю какъ сказать,
Не могу ни ѣсть ни спать».

Та чулокъ на столъ сложила,
Съ глазъ очки на носъ спустила

И, поверхъ очковъ глядя,
Головою поводя,
Говорить: «Весь день-деньской-то
Ты томишься нынѣ чтой-то,
А съ чего, и не пойму;
Вотъ, кажись, и не обѣдалъ,
Мать-отца, вишь, не провѣдалъ,
Чѣмъ же я тебя займу,
Развѣ музыку найму».

— «Не шути ты, няня, право,
Мнѣ же сказка не забава,
Коли хочешь, послужи,

Лучше правду расскажи».

Нянька просьбѣ столь умильной
Не противилася сильно
Да замѣсто небылицъ
И скажи тутъ про сестрицъ.
Но сама тому не рада:
Хуже прежняго досада,
Что тутъ случилось, ни сказать,
Ни перомъ не описать.
Пуще князь съ тѣхъ поръ вздыхаетъ,
Что въ рукахъ, изъ рукъ роняетъ
И къ родителямъ своимъ
Входитъ съ замысломъ такимъ,

Говорить: «ужь какъ не знаю,
А сестрицъ я повидаю.
— «Ахъ!» (княгиня) «ахъ» (отецъ)
Ахъ, сыночекъ. Ахъ, Творецъ!
Что ты только затѣваешь,
На кого насъ покидаешь».
Онъ не внемлетъ ни чему,
И сестеръ подай ему.
Время сколько ни проходитъ,
Володаръ скучая бродить,
И во весь-то день деньской
Просто точно самъ не свой.

Наконецъ княгиня съ княземъ
Порѣшили какъ-то разомъ
Снарядить его къ сестрамъ.
Князь его устроилъ самъ,
Далъ ему и мечъ, и стрѣлы
И далеко за предѣлы
И поля своей земли
Проводилъ.
Вотъ шли да шли...
А какъ до лѣсу дошли,
Стали. Слова не находятъ...
Такъ готовы тутъ они
Простоять четыре дни,
Наконецъ поцѣловались.
Обнялись и попрощались.
Володаръ хотѣлъ вздохнуть,
Но... пустился быстро въ путь.

акъ вступилъ онъ въ лѣсъ, во дремучій боръ
Да пошелъ по мху посѣдѣлому,
По гнилю-корью перепрѣлому,
Межъ стволонъ сосенъ въ чашу черную.
Потерялъ тропу... Гдѣ жъ идти ему
И въ которую править сторону?
Страшно. Темь. Онъ шагъ за шагомъ
По проваламъ, по корягамъ...
Наконецъ ужъ, глядь-поглядь,
Свѣта неба не видать;
А деревья вдругъ
Обнялись вокругъ,
И сомкнула сводъ
Вѣтка съ вѣткою.
Постоялъ тутъ князь, перевелъ онъ духъ,
Осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ
И пошелъ себѣ напроломъ впередъ.
Черезъ кочки, пни, черезъ рытвины.
Передъ нимъ-то лѣсъ размыкается,
А за нимъ сучки заплетаются.
Вотъ дошелъ онъ такъ до бугра въ лѣсу,
Принакрытъ бугоръ мхами, зеленью,
Изумрудною шубкой бархатной.
Изъ бугра — труба;
Онъ взглянулъ туда:
Можжевелиникомъ, печью хлѣбною
Точно будто-бы запахъ слышится

Голубой дымокъ подымается,
По вѣтвямъ, кустамъ растилается...

Что за чудо здѣсь.

Не живетъ ли бѣсъ

Между пеньями,

Подъ кореньями?

Онъ впередъ. Вдругъ оступился

И... какъ въ яму провалился,

А внизу подъ мхами земляночка,

Чуть блеститъ вверху въ ней окошечко,

На печи сидитъ красная дѣвица,

Медвѣжатъ штукъ двадцать съ нею рядышкомъ.

Того чешетъ,

Тотъ ползетъ,

Тому сказки говорить,

На кулачкахъ двое бьются,

Двое въ углышкѣ дерутся,

А еще двоихъ мирить.

Два кричатъ,

Два рычатъ,

Тѣ играютъ,

Тѣ пищаютъ,

А послѣдняго за лапы

На лежанку къ ней тащатъ.

Князь призналъ тотчасъ сестрицу,

И трягнувъ, кудрями, онъ

Молвитъ ей, пославъ поклонъ,

«Здравствуй, красная дѣвица».

А она ему тихимъ голосомъ:

— «Ты отколь бредешь, добрый молодецъ,

Сколько лѣтъ въ лѣсу я одна живу,

Не встрѣчала здѣсь я души живой,

Не слыхала рѣчь православную,
Не видала слѣдъ человѣческій.
Вотъ сейчасъ придетъ мой свирѣпый мужъ,
Съѣстъ живьемъ тебя, тутъ и смерть твоя». —
И на ту ли рѣчь Володаръ въ отвѣтъ
Говоритъ сестрѣ такъ съ улыбкою:
— «А ты знаешь что, красна дѣвица,
Не сестра ль ты мнѣ, душа Олюшка?»
— «Ольгой звать меня, угадалъ ты, свѣтъ
Только брата мнѣ нѣтъ и не было». —
Володаръ тутъ сѣлъ. Вотъ онъ то да се,

Такъ и такъ, какъ есть, рассказалъ про все,
И рада жъ была душа Олюшка.
Вспомянулася ей ея волюшка.
Такъ то братъ съ сестрой говорятъ себѣ
Вдругъ какъ стонъ какой загудѣлъ въ избѣ
Слышать, лѣсъ трещить.
Глядь, — медвѣдь бѣжитъ.
— «Полѣзай скорѣй, милый братецъ мой,
Схоронись, коль такъ, подъ кроватью.
Толькобъ дню пройти, мужъ обернется,
Человѣкомъ вновь перевернется,
Вѣдь полгода онъ звѣрью лютою,
Другимъ полгодомъ, онъ какъ слѣдуетъ,
Носитъ образъ нашъ человѣческій».

Только князь успѣлъ подъ кровать подлѣзть,
 Отворилась дверь, и медвѣдь вошелъ.
 — «Здравствуй, краса-радость, жена вѣрная,
 Супруга примѣрная. Здравствуй, Григорьевна,
 Хорошо-ли время коротала, провожала
 Безъ друга супруга, звѣря чернобураго?
 Расскажи, моя сударушка, говори по правдѣ праведной».
 — «Ну, ужъ нечего растобаривать,
 Полѣзай ко мнѣ на лежаночку.
 Вы же, дѣтушки,
 Медвѣжатушки,
 Собирайтесь,
 Прогуляйтесь,

На порожкѣ понемножку разыграйтесь,
 Не бранитесь,
 Не деритесь,
 Повозитесь,
 Покувыркайтесь,
 Сядьте на лѣсенкѣ,
 «Пойте медвѣжки пѣсенки,
 Въ лѣсѣ, смотрите, не ходите,
 Отъ жилья не отходите,
 Въ бору лѣшій сидитъ,
 Въ темномъ лихо глядитъ,
 За пнемъ-кореньемъ
 Мужикъ съ рогатиной стоитъ,
 Вы одѣты, умыты, накушались,
 Ступайте прогуляться
 Скоро спать укладаться».

Медвѣжатки послушались,
 Всѣ ушли, пошли,
 На улицу вышли,

Сѣли на лѣсенкѣ
 И запѣли пѣсенки.
 А медвѣдь на лежанку полѣзъ,
 Лѣзетъ-полѣзетъ,
 Урчитъ-бурчитъ,
 Ворчитъ-говоритъ,
 Говоритъ-разговариваетъ,
 Съ ноги на ногу переваливаетъ;
 «Хороша моя сударушка,
 Хороша моя краля разрумяная.
 А... что это фу-фу-фу...
 Русскимъ духомъ пахнетъ у тебя.

Фу-фу-фу... русскій духъ,
 Всю берлогу розыщу,
 А молодчика найду...»
 Тутъ жена ему: «Какъ тамъ ни реви,
 Только всѣмъ видать морда вся въ крови;
 Гдѣ жъ зарокъ обѣщанный,
 Татаринъ некрещеный?
 Стоишь ты затрецины.
 Какой тебѣ русскій духъ.
 Вишь по всему-то свѣту шатаешься,
 Какого только духа не нахватаешься.

Ты мнѣ лучше повѣдай,
 Чѣмъ сегодня обѣдалъ,
 Срамникъ безстыдный,
 Людоѣдъ обидный?»
 Замоталъ головою медвѣдюшка,
 Съ ноги на ногу разминается,
 А глаза его разбѣгаются.
 — «То-то вотъ и есть,
 Что изволил съѣсть.

Ты не врать норови,
 По что морда въ крови».

—«Бррр... и то былъ грѣхъ,
 Что жъ, скажу при всѣхъ:
 Нашелъ это я кобылу вчера,
 Ей и такъ... того помирать пора,
 Ужъ и вотъ стара,
 Не дошла бѣ до двора»...

—«Врешь же, Мишенька, ахъ, врешь, голубчикъ мой,

Лють-разбойникъ, воръ, мужъ постылый, злой,
 Понапрасну врешь, жену не проведешь:
 Кобылья кровь сине-красная,
 На тебѣ же кровь чисто-алая».

Замоталъ головой медвѣдюшка,
 Пуще прежняго пожимается,
 Врозь глаза его разбѣгаются...

—«Опосля того былъ и то вѣдь грѣхъ:
 Тамъ... разбойничка я задралъ въ лѣсу,
 А зато про то не хранилъ вѣдь онъ
 Вотъ... закона, слышь, христіанскаго,

Былъ сообщества басурманскаго,
Не имѣлъ креста вокругъ шеюшки
И... говядину ѣлъ по пятницамъ,
А какъ шелъ въ лѣсу все украдкою». —
«Ну, довольно ужъ растабарывать,
Полѣзай сюда на лежаночку,
Приклони-ко-ся свою голову,
Поищу тебѣ, и заснешь себѣ».

И уснулъ медвѣдь, захрапѣлъ во снѣ,
Затряслась земля по всему лѣсу,
А жена, скорѣй уложивъ ребятъ,
Чернобуренькихъ медвѣжатъ своихъ,
Накормила тутъ братца досыта
Да и спать легла до бѣла утра.

тромъ на зарѣ румяной
Володарь, проснувшись рано,
Не спѣшилъ еще вставать.
Онъ, очей не открывая,
Мнитъ, что вокругъ чаща лѣсная,
Чуетъ полъ, гдѣ легъ онъ спать,
И тесовую кровать
Чуть онъ шевельнулъ рукою.

Диво-дивное какое,
Ничего нельзя понять.
Открываетъ очи, глядь...
Передъ нимъ, Великій Боже...
Не нора и не рогожа,
Не землянка и не лѣсъ,
Просто чудо изъ чудесъ
Въ блескѣ теремъ небывалый,
А вокругъ все бархатъ алый
Да зеленые ковры
Изъ далекой Бухары.
Самъ въ рубахѣ онъ шелковой
На кровати на парчевой.

Стѣны, потолокъ и полъ
Всѣ серебряные; столъ
Изумрудный среди залы
На подножкѣ пятипалой
Весь горитъ своимъ гербомъ.
И медвѣдь въ гербу литомъ.
«Что за диво?»

Какъ красиво.

Гдѣ же я? и что со мной?
Чей дворецъ такой большой?...

Только онъ зашевелился,
Пологъ двери отворился,
И къ нему бѣжитъ сестра,
А за нею дѣтвора».

— «Здравствуй братецъ мой любезный,
Какъ ты спалъ сей ночью звѣздной.
Какъ здоровъ, что станешь пить:
Чай иль кофе приносить».

Не успѣлъ онъ ей отвѣтить,
Какъ изъ двери изъ другой
Къ нимъ красавецъ молодой
(Ольгинъ мужъ, прошу замѣтить).

— «Здравствуй, зятюшка, мой свѣтъ:
Сколько зимъ и сколько лѣтъ
Мы съ тобою не видались,
Просто даже стосковались,
Но зато теперь узнай,
Цѣлыхъ полгода гуляй.
Я полъ года пробылъ звѣремъ,
А теперь прошу мой теремъ,
До зимы не покидай».

Тутъ они обнялись дружно.

— «Ловко же, признаться нужно,
 Лапъ моихъ ты миновалъ.
 Хорошо, что я до свѣта
 Здѣсь тебя не увидалъ,
 Но теперича за это
 Праздникъ подлинно насталъ.
 Распотѣшу мою Олю.
 Покутимъ съ тобою вволю...
 Я на весь крещеный міръ
 Ужъ такой устрою пиръ,
 Что головушки съ веселья
 Пойдутъ кругомъ на похмельѣ».

Онь за днемъ впередъ несется,
 Радъ ли ты ему, не радъ,
 Ни одинъ не повернется
 Никогда уже назадъ.
 Солнце, мѣсяцъ въ небѣ ходятъ,
 Время быстрое летитъ,
 Полугодній срокъ проходитъ
 Ольгинъ мужъ и говоритъ:
 — «Время, видно, насъ не ждало.
 Разставаніе настало,
 Завтра рано поутру
 Звѣря образъ я беру».
 Тутъ они въ грустьяхъ прощались
 Обнялись, поцѣловались,

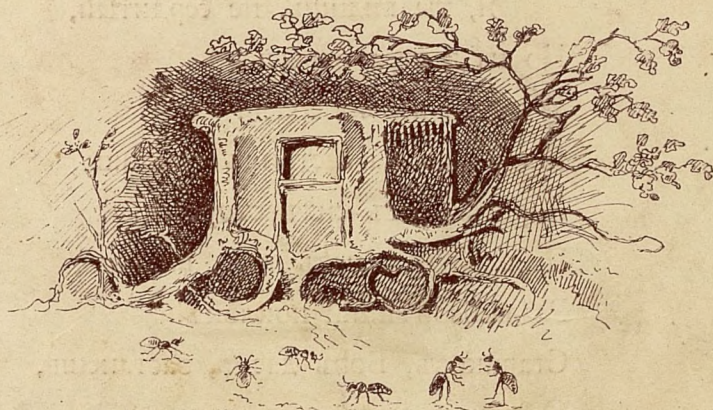
Пала на сердце тоска.
«Слушай, — Ольгинъ мужъ при этомъ, —
Въ берестяномъ складнѣ этомъ
Три медвѣжьихъ волоска.
Помни: въ жизни этой, еж'ли
Что случилось бы съ тобой,
Тѣ три волоса медвѣжьи
Ты потри скорѣй рукой
Я тотчасъ къ тебѣ явлюся
И, коль надо, пригожуся».
— «Что ты, братецъ-государь»,
Отвѣчаетъ Володаръ,
«Такъ ужъ я доволенъ вами,
Что мнѣ совѣстно какъ есть,
Въ томъ моя порукой честь».
Заливала тутъ слезами
Брата Олюшка совѣмъ.
— «Что тебѣ чиниться съ нами».
Мужъ прибавилъ между тѣмъ,
«Счеты глупы межъ друзьями,
Коли ты да насъ спасешь
И причину золь найдешь,
Вотъ съ тобой и будемъ квиты.
Я, ты видишь, не сердитый,
Но на завтра берегись
И пораньше соберись.
Ежли жъ ты сестрицъ увидишь,
Воротясь отъ сихъ сторонъ,
Передай отъ насъ имъ, видишь,
Разлюбознѣйшій поклонъ.
Стариковъ, Богъ дастъ, застанешь,
Обнимать когда ихъ станешь,

Имъ скажи и нашъ привѣтъ.
 Съ пожеланьемъ многихъ лѣтъ».
 Тутъ дѣтишки прибѣжали,
 Но такой подняли вой,
 Что ихъ тотчасъ же убрали
 Поскорѣ всѣхъ домой,
 Облѣпивъ окно вплотную,
 «Дя-дя»... всѣ они ревуть.
 Обогнавъ одна другую,
 Слезы по стеклу текутъ.

Володаръ еще до свѣту
 Отбылъ рано со двора
 Во-свои, сѣвъ въ карету
 Изъ литого серебра.
 Только онъ достигъ опушки,
 Громы грянули какъ пушки,
 И карета съ лошадьми,
 Съ кучерами и людьми
 Обратилась въ пень дубовый,
 А по травкѣ по шелковой,
 По тропѣ вдоль колеи
 Побѣжали муравьи.

STOCKER V.

ного ль времени проходить,
Много ль дней съ собой уводить,
Я не знаю, но печаль
Князя душитъ и терзаетъ,
Вновь онъ плачетъ и вздыхаетъ.
Такъ ему сестрицу жаль,
Что... «Да нѣтъ, ужъ воля ваша,
А провѣдаю Наташу»,

Говоритъ въ слезахъ своимъ
И, собравшись вслѣдъ за симъ,
Отправляется въ дорогу.

Шель онъ этакъ понемногу
И забрель въ такую даль,
Что взяла его печаль:
Все-то онъ по кочкамъ ходитъ
Да лѣсною топью бродитъ
Безъ пути и безъ слѣда,
Самъ не вѣдая куда.

Въ моховомъ лугу надъ болотиной
Превысокій дубъ возвышается,
Головой своей раскудрявою
Выше облака подымается.

И стоитъ онъ тамъ выше всѣхъ въ лѣсу,
Кажетъ всѣмъ кругомъ краше всѣхъ красу,
Тихо зеленью колышется,
Вольнымъ вѣтромъ не надышется,
Въ синемъ небѣ вѣткой покачивается
Объ листокъ листокъ поколачиваетъ

Н. Толстой
1904.

Ужъ роса, туманъ пали на землю,
Ужъ отъ дуба вдаль тѣни длинныя
Побѣжали, мхомъ извиваются,
Изъ дали глухой тянетъ сыростью.
Съ неба на землю ночь спускается.

Подошелъ Володарь къ дубу могучему,
Подошелъ и слышитъ, за тучами
Вѣтеръ пѣсню несетъ заунывную,
Заунывную, задушевную
И знакомую, и любимую.
Пѣсня за сердце такъ и хватается,
Серебромъ по листкамъ разсыпается:

Хъ ты, гой еси, свѣтъ мой батюшка
Государь ты мой, ты душа моя,
Охъ ты, гой еси, радость матушка,
Государыня-душа, кровь моя.
Ой, родители драгоцѣнные,

Други вѣрныя, неощинныя;
Двѣ подружки, сердцу ровныя,
Двѣ голубки однокровныя:
Дорогія, незабвенныя,
Вы, сестрицы несравненныя!
Гдѣ ты, гдѣ семья — чаша полная,
Доля дѣвичья, воля вольная?
Время быстрое вѣтромъ носится,
Доля волнами въ морѣ катится.

Налетятъ къ волнѣ вѣтры дружныя,
Разметутъ волну въ пыль жемчужную;
Налетитъ судьба лютымъ коршуномъ,
Разлетится врозь стая горленокъ;
Налетитъ соколъ — злая долюшка,
Врозь разсыпятся всѣ касаточки,
Быстролетныя, безобидныя,
Въ дальни стороны незавидныя...»

Володаръ взглянулъ, дѣвица
На дубу сидитъ, поетъ.
«Вотъ она, моя сестрица,—
Онъ подумалъ, — гдѣ живетъ!»
— «Ой ты, душенька дѣвица,
Не моя ли ты сестрица?
Не сама ли ты свѣтъ-Наташенька».
— «Я тебѣ сестра!.. Что ты, свѣтъ дневной
Брата нѣтъ у насъ, нѣтъ и не было».
— «Анъ, я братъ тебѣ, Володаремъ звать,
Вотъ пришелъ сюда на побывочку,
Несь-принесъ поклонъ отца съ матерью
Да сестры старшой, души Олюшки,
Съ медвѣдемъ ея и дѣтишками».
Испугалась тутъ свѣтъ-Наташенька:

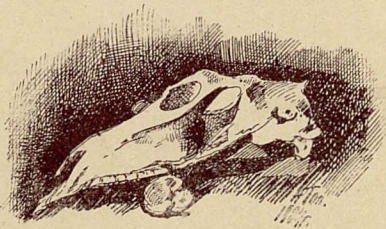
— «Полѣзай скорѣи да садись въ дупло...
Чу, березаньки какъ качаются,
Вонъ какъ кустики пригибаются,
Вишь туманъ дрожитъ,
Видно, мужъ летитъ».

Только онъ въ дупло,
Съ край небесъ шатромъ,
Вѣтромъ бурею съ шумомъ-шелестомъ,
Распахнувъ крыло тучей черною,
Налеталъ орелъ на высокій дубъ,
А въ когтяхъ держалъ зайца сѣраго
(Онъ, вишь, орликамъ несъ гостинчика).

Обнималъ крыломъ онъ Наташеньку:
«Чтой-то, свѣтъ ты мой,
Пахнетъ нечистью
У тебя, жена,
Вкругъ гнѣзда мово?
Заклюю, коль есть,
Я молодчика».

— «Ну, ужъ нечего растабаривать;
Ты ложись-ка спать на постелюшку,
На перинушку, на пуховую.
Гдѣ ты по свѣту ни шатаешься,
Духу всякаго нахватаешься,
А скажи-ка, свѣтъ,
Что ты ѣлъ чуть свѣтъ?»
— «Да что ѣлъ?—Коня въ полѣ мертваго
Натошакъ клевалъ я по-утречку».
— «Ахъ, мой свѣтъ, ты врешь!
Только нѣтъ и нѣтъ,
Не проведь тебѣ жену вѣрную:
У коня-то кровь темно-синяя,

На тебѣ-то кровь чисто-алая».
— «Ну такъ что жъ, былъ грѣхъ,
Съѣлъ разбойничка.
Онъ въ лѣсу живаль,
Путь не нашъ держаль,
Мясо самъ ѣдалъ онъ по пятницамъ,
Не носилъ креста вокругъ шеюшки,
Да и шель-то онъ все сторонкою,
Да уверткою, да съ заминкою...»
— «То-то вотъ, срамникъ.
Долго-ль быть тебѣ
Кровожадною звѣрью лютою.
Ну, ложись усни, завтра срокъ тебѣ.
Вотъ ужъ дѣтушки поуснули всѣ».

тромъ, на зарѣ румяной,
Володарь, проснувшись рано,
Вскрикнулъ: «что за чудеса:
Не болото, не лѣса,
Все вокругъ совсѣмъ другое,
Диво-дивное какое!
Ничего нельзя понять...
Не заснуть ли мнѣ опять?»

Онъ на ручку подпирался,
Протереть глаза старался.

— «Я ли это? Что со мной?
Сплю я. Нѣтъ ли... а, постой».
Глядь-поглядь кругомъ, и что-же
Вкругъ него: Пресвѣтлый Боже!
Блещетъ пологъ золотой,
А за пологомъ покой
Столь красы неимовѣрной:

Передать нѣтъ рѣчи вѣрной.
Стѣны всѣ за рядомъ рядъ
Краснымъ яхонтомъ горять.
На орлахъ злаченныхъ стулья
Словно пасѣчные улья
Ровной линіей стоятъ,
Наверху вѣнцы да перья;
Слышна музыка за дверью,
Смѣхъ, посудою звенять...
Только онъ зашевелился,
Входъ покоя отворился,
И бѣжитъ къ нему сестра,
А за нею дѣтвора.

— «Здравствуй, братецъ мой любезный,
Какъ здоровъ? Что будешь пить:
Чай иль кофе приносить?
Какъ ты спалъ сей ночью звѣздной...»

А изъ двери, изъ другой
Къ нимъ красавецъ молодой:

— «А, нашъ зятюшка любезный!»
Говорить:— «Господь съ тобой,
Страхъ съ женой мы стосковались,
Сколько зимъ и сколько лѣтъ,
Самъ подумай-ка, мой свѣтъ,
Мы съ тобою не видались
(Дѣти тутъ же улыбались).

Но за это, такъ и знай,
Трехнедѣльный срокъ гуляй,
Восемь дней проведъ я звѣремъ,
А теперь, прошу, мой теремъ
Двадцать дней не оставляй».

Тутъ они обнялись дружно.

— «А вѣдь все жъ, признаться нужно,
Хорошо, что не видалъ
Я тебя всю ночь до свѣта:
Ты бѣ когтей не миновалъ.
Но скажу тебѣ за это:
Срокъ веселія насталъ,
Чисто въ шляпѣ дѣло наше
Распотѣшу я Наташу,
И на весь крещеный міръ
Мы закатимъ дивный пиръ...»

День за днемъ во слѣдъ катится

Радъ, не радъ ли, — все равно;

Ни одинъ не воротится,

Повелось ужъ такъ давно.

Въ свой чередъ злой день приходитъ,

Мужъ Наташинъ грустный бродитъ

По палатамъ. Вотъ, вздохнувъ:

— «Володарь, — сказалъ онъ вслухъ: —

Время, видно, не дремало,

И прощанье близко стало:

Завтра рано поутру

Птицы образъ я беру.

Дѣлать нечего, собирайся,

Милый другъ, съ сестрой прощайся,

А тебѣ отъ зятя вотъ,

Получай, что онъ даетъ.

Въ память нашей вѣрной службы

Приготовилъ я вчера

Три орлиныя пера.

Коль моей захочешь службы,

Не забудь о нихъ смотри,

Только пальцами потри,

Я тотчасъ могу явиться,

Знаетъ Богъ, что впредь случится».

— «Что ты братецъ, государь», —

Отвѣчаетъ Володарь, —

Такъ ужъ я тобой доволенъ,

Что отъ грусти чуть не боленъ.

Такъ-то жаль оставить васъ,
Что хоть плачь. Смотрите сами,
— «Полно! Не гнушайся нами...
Кабы ты, да только спасъ
Отъ судьбы жестокой насъ.
Поищи, гдѣ скрыто чудо,
А найдешь, такъ не забуду
Вплоть до гроба я тебя.
А пока... храни себя
Отъ бѣды и отъ напасти.
Я надѣюся отчасти,
Что тебѣ поможетъ Богъ
Разобрать пути дорогъ.
Ну, впередъ, другъ закадычный.
И храни тебя Всевышній.
Завтра утромъ берегись
И пораньше соберись...
А когда сестру увидишь,
Передай, что здѣсь ты видишь.
Нашъ же общій всѣмъ поклонъ
Изъ унылыхъ сихъ сторонъ
Примуть пусть твои и наши

Отъ меня и отъ Наташи.
Будь здоровъ, пріятный сонъ».
Повернулъ и вышелъ вонъ.
Долго плакала Наташа...

— «Ну, теперъ сестрицу Машу
Повидать бы мнѣ. Постой...»
Разсуждаетъ самъ съ собой
Володарь. И, вставъ до свѣта,
Пріодѣлся да въ карету
Изъ чеканки золотой
Сѣлъ и двинулся домой.

— «Дядя, насъ возьми съ собой!»
Закричали ему дѣти.
Но отецъ: «Ахъ, дѣти эти,
Всѣхъ убрать сейчасъ домой!»
И грозитъ ужъ имъ изъ двери.
«Няньки! Мамки! Ахъ тетери»,
Закричалъ онъ, и тотчасъ
Всѣхъ долой убрали съ глазъ.
Такъ-то, съ дядею простившись,
Дѣтки въ окна не глядятъ.
Въ уголочки позабившись,
Всѣ нахохлившись, сидятъ.

Конченъ лѣсъ. Среди долины
Володарь. Вдругъ грянулъ громъ;
Ветеръ колыхнулъ вершины,
Завертѣлось все кругомъ
И пропало. Кустъ малины
Поднялся на мѣстѣ томъ.

И куда судьба что дѣла:
Ни коней, ни кучеровъ,
Только лишь съ куста слетѣла
Кверху стая воробьевъ.

ота буква не большая,

А и то порою въ ней
Сила скажется такая,
Что не выкинешь, ей-ей.
За нее раздоровъ столько...
Свѣтъ тонуль въ крови. Да только
Намъ не къ мѣсту разсуждать,
Будемъ сказку продолжать.

Много ль времени проходить,
Много ль дней съ собой уводить,
Володарь опять груститъ.

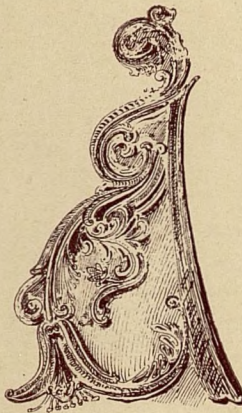

Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ,
Думу думаетъ и бродитъ,
Сна-покоя не находитъ.
И грызетъ его тоска
Просто цѣлый день куска
Не возьметъ онъ въ ротъ. Собрался
Наконецъ—таки онъ въ путь,
Только сталъ попутный дуть
Вѣтерокъ, какъ онъ сквозь аиръ,
Да къ водѣ свой путь направилъ.
Вотъ въ дубовый челночекъ
Примостился онъ, толчокъ
Отъ земли далъ и пустился,
По волнамъ впередъ скользя...
Различить никакъ нельзя
На водѣ, гдѣ путь дорога.
Онъ и сбейся понемногу,
И не знаетъ больше самъ,
Вѣтру вѣрить иль глазамъ.
Ужъ онъ шурился, ужъ злился,
Только сзади слѣдъ струился,
А предъ лодкой впереди,
Хоть куда ни погляди,
Всюду ровно, пусто, гладко,
Всюду тайна и загадка.
Берегъ изъ виду пропаль,
А предъ княземъ, какъ кристалль,
Стволъ хрустальный очутился.
Онъ къ нему. На немъ труба:
— «Не моя ли здѣсь судьба?»
Князь вскричалъ, за край хватался,
Выпрямлялся, подымался,

Наклонился надъ трубой
И, недолго разсуждая,
Прыгъ въ нее, внизъ головой...
Что жъ онъ видитъ упая
Въ синей безднѣ подъ собой:
Вкругъ стеклянныя палаты
Изукрашены богато,
Всюду жемчугъ и алмазь
Такъ огнемъ и слѣпятъ глазъ.
Не поспѣешь восхищаться
И очами обращаться.
Володарь съ высотъ упалъ
На коверъ и тотчасъ всталъ.
Передъ нимъ стоитъ дѣвица,
Его младшая сестрица.

Ахъ, ты, гой еси, добрый молодець!

Ужъ какого ты роду племени.

Ты зачѣмъ сюда къ намъ пожаловалъ.

Не бывала здѣсь душа христіанская,

Не занашивалъ воронъ косточки...

А придетъ мой мужъ, въ полглотка глотнетъ,

И не взвидишь ты свѣта бѣлаго».

Молвилъ ей въ отвѣтъ Володаръ нашъ князь:

— «Красна дѣвица, душа Машенька,

Ты сестра вѣдь мнѣ, однокровная»...

— «Брата нѣтъ у насъ, нѣтъ и не было».

— «Ахъ, не знаешь ты, я твой братъ родной,

Послѣ трехъ сестеръ на свѣтъ роженный.

А и матушка шлетъ поклонъ тебѣ;

Проситъ батюшка тебѣ кланяться,

Сестра Олюшка да Наташенька,

По поклону шлютъ, со здоровицемъ,

Поцѣлуй шлютъ троекратные».

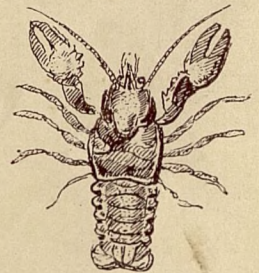
Вдругъ, какъ ночи тѣнь понадвинулась

Во всѣ стѣны тѣ, во хрустальныя,

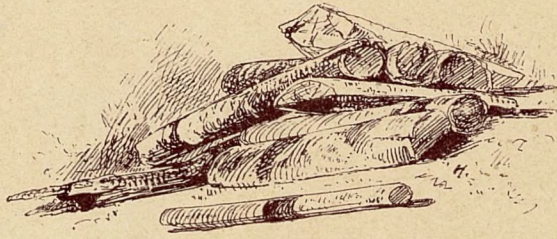
Блескомъ, брызгами волны хлестнули.

— «Ахъ-ти, какъ намъ быть,—Маша вскрикнула,—

Это мужъ плыветъ, вѣдь онъ съѣстъ тебя.

Все сквозить насквозь въ терему у насъ.
Ползай въ дрова и не двигайся».

Только влѣзть подъ печь
Володарь успѣлъ,
Какъ стеклянныя двери хлопнули,
И вплыло-вошло Юдо-Свѣтлое,
Диво-дивное, чудо-чудное,
Повернулося,
Развернулося,
Всколыхнулося,
И пошло бродить.

По хрустальному полу ерзаетъ,
По коврамъ вокругъ всюду ползаетъ,
Изгибается, погибается
Да хребтомъ своимъ извивается,
По стѣнамъ усомъ водить-щупаетъ,
По дырамъ, угламъ всюду нюхаетъ;
Все обшаривши, всталъ какъ вкопанный,
А жена поетъ тихо пѣсенку:

«Ты, пресвѣтлое чудо дивное,
Подойди склони ты головушку,
Ты прилягъ, усни,
Побаюкаю».

Постоялъ передъ ней, Юдо-Свѣтлое,

Посмотрѣлъ, смигнулъ глазъ единственный,
Повернулъ опять и пошелъ бродить
По всему дворцу, избоченившись,
Разгибается, изгибается,
Вкругъ жены своей увивается.
За нимъ хвостъ скользитъ грузно по полу,
Такъ и шаркнетъ вдругъ по стеклянному.
А и самъ-то онъ все жеманится,
То повернется, то потянется.
Закачалъ башкой неприглядною,
Собрался кольцомъ
И поникъ лицомъ
Передъ дѣвицей ненаглядною.
А жена поетъ свою пѣсенку:

«Государь, мой мужъ,
Юдо-Свѣтлое,
Подойди ко мнѣ,
Склони голову,
Ты прилягъ, усни,
Побаюкаю».

Подошелъ къ ней мужъ, передъ ней стоитъ.
Смотритъ пристально, глазъ единственный...
И опять пошелъ нюхать около,
Чуетъ русскій духъ Юдо-Свѣтлое,
Чудо дивное,
Прихотливое,
Хребетъ жилистый,
Хвостъ извилистый,
Чело низкое,
Брюхо склизкое,
Плесь чешуйчатый,
Рыло плоское.

А жена поеть свою пѣсенку:
«Успокой себя, полюби меня.
Подойди ко мнѣ, мой любезный мужъ,
Приклони ко мнѣ свою голову!»

Сталь предъ нею мужъ и шатается,
На всѣ стороны наклоняется,

А жена поеть свою пѣсенку:

«Лягъ, прилягъ, усни,
Юдо-Свѣтлос.
Соберись кольцомъ,
Убаюкаю».

Злое чудище все качается,
Такъ и этакъ къ ней наклоняется,
На колѣни къ ней опускается.

И княжна кладеть руки бѣлыя

На головушку ему плоскую,

А сама поеть свою пѣсенку,

Поеть пѣсенку тихимъ голосомъ:

«Ты усни, засни, Юдо-Свѣтлое,

Мой любезный мужъ,

Ты судьба моя,

Ты великое, необъятное,

Распроклятое ты чудовище,

Чудо льстивое,

Прихотливое,

Хребетъ жилистый,

Хвостъ извилистый,

Чело низкое,

Брюхо склизкое,

Плесь чешуйчатый.

Рыло плоское,

Закрывай скорѣй

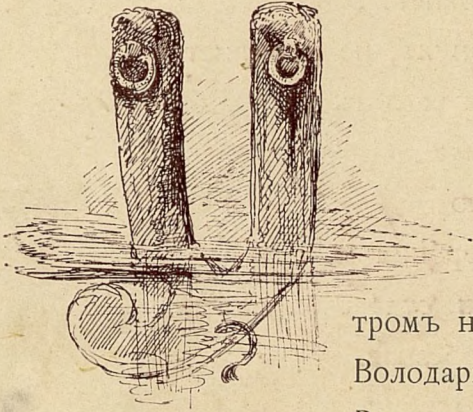

Глазь единственный».

И храпитъ-сопитъ Юдо-Свѣтлое
Возлѣ дѣвицы рас Красицы,
Не шелохнется, не ворохнется,
Хвостъ въ кольцо свернулъ, не развернется
А жена поетъ тихимъ голосомъ
Свою пѣсенку задушевную,
Задушевную и любимую,
Тайно въ помыслахъ хоронимую.

— «Ужъ ты, гой еси, сударь-батюшка,
Ты, душа ль моя разлюбезная.
Гой родная мать, моя матушка,
Государыня, душа кровь моя.
Вы, родители драгоцѣнные,
Други вѣрные, неоцѣнные.
Гой подруженьки, вы родимья,
Сестры милья и любимья,
Гдѣ ты, гдѣ семья, чаша полная?
Доля дѣвичья, воля вольная?
Время быстрое вѣтромъ носится,
Доля по морю въ волнахъ катится;
Набѣгали къ ней вѣтры дружныя,
Разметали врозь пыль жемчужную.
Понаидеть судьба чернымъ ворономъ,
Разнесется врозь стая горленокъ.
Налетитъ соколъ — злая долюшка.
Въ небѣ ласточки разлетаются»...

громъ на зарѣ румяной
Володарь проснулся рано.
Все, что было, забывъ,
Чуть глаза полуоткрывъ,
Вкругъ себя повель рукою.
Ну-жъ и диво, да какое,
Крикнуть онъ было хотѣлъ,
Но совсѣмъ остолбенѣлъ.
Весь алмазами залитый,
Точно тысячью огней,
Шелкомъ занавѣсъ подбитый
Надъ кроватью, а у ней
Изголовье перламутра
Кверху раквиной стоитъ.
Сквозь большія окна утро
Свѣтлой радостью горитъ.

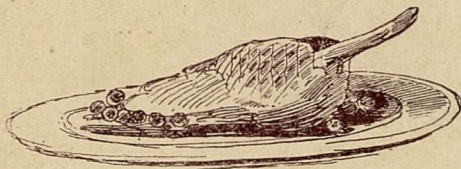
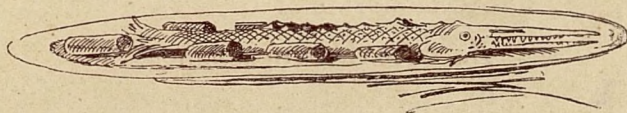
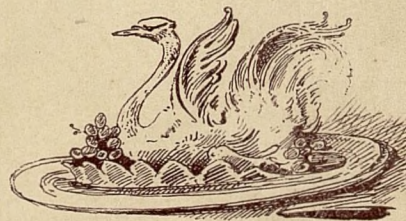

Вкругъ жемчужныя палаты
Изукрашены богато.
Все кораллы да янтарь,
Удивлялся подарь.
Хоры, лоды да балконы,
Изумрудныя колонны.

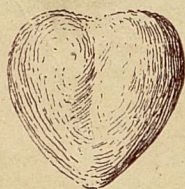
Гдѣ онъ? что съ нимъ — не пойметъ,
Глядь, сестра къ нему идетъ:
— «Здравствуй, братецъ мой любезный,
Слышенъ голосъ ея нѣжный, —
Какъ ты спалъ и почивалъ,
Хороши ли сны видалъ?
Наши какъ нашелъ чертоги?
Отдохнулъ ли ты съ дороги?
Какъ здоровъ? Что будешь пить?
Чай иль кофе приносить?..»
А за ней спѣшитъ при этомъ
Мужъ ея съ своимъ привѣтомъ.
Ну такой-то ловкій хватъ
Лучше прежнихъ во сто кратъ.
Говорить: — «вотъ гдѣ свидались,
Здравствуй, зятюшка мой свѣтъ,
Сколько зимъ и сколько лѣтъ
Мы съ тобою не видались;
Но зато теперь узнай,
Вплоть до вечера гуляй.
Долгу ночь всегда я звѣремъ,
Ну, а днемъ, прошу, мой теремъ
До зари не покидай».

Тутъ они обнялись дружно,
Шуринъ зятя цѣловаль,
И смѣясь ему сказаль:
— «А вѣдь все жъ, признаться нужно,
Хорошо, что не видалъ
Я тебя вчера!— При этомъ
Ты простился бы со свѣтомъ,
И найдя тебя за то,
Проглотилъ бы, какъ ничто.
Нынче козыри всѣ наши,
Распотѣшу мою Машу,
И такой задамъ я пиръ,
Что заплещетъ цѣлый міръ».

Долго ль день до ночи мчится,
Время рѣчкою катится,
День вѣдь только и всего,
Промелькнулъ, и нѣтъ его.
Слезы Маши такъ и льются,
А друзья ужъ расстаются,
Зятю шурина тутъ:—«Бери,
Вотъ тебѣ чешуйки три.
Коли что съ тобой случится,
Ты въ ладони ихъ потри,
Мигомъ я могу явиться
И, коль надо, пригодиться».
— «Что ты, право», ему зять,
«Что еще дары мнѣ брать.
Я и такъ тобой доволенъ».
— «Полно. Я въ подарокъ воленъ,
Разыщи лишь, гдѣ лежитъ
Колдовство, и будемъ квитъ,
Да отселѣ отправляйся
Ты на сѣверо-востокъ.
Гору тамъ найти старайся,
Затруби погромче въ рогъ,
А ужъ мы... лишь не теряйся,
А сегодня, братъ, прощай
И... дружище, выручай».
Подлетѣла тутъ карета,
Перламутроваго цвѣта,
И, простившись, Володарь
Быстро въ путь пустился. Вскорѣ
Передъ нимъ явилось море;
Но надъ моремъ, какъ кубарь,
Кружить чудная гондола;

Вотъ причалили у, дола,
Сѣлъ въ гондолу Володарь,
Парусъ подняли атласный...
И пустились въ путь опасный.
Только берегъ вонъ изъ глазъ,
Сразу буря поднялась.

За волнами волны ходятъ,
Въ небѣ тучи такъ и бродятъ,
Вѣтеръ рветъ соленыхъ волнъ

Пыль морскую, злобы полнъ,
Дали страшнымъ свѣтомъ блещутъ,
Снасти гнутся и трещатъ,
Паруса на нихъ трепещутъ,
Птицы въ воздухѣ кричатъ,
Пѣной бѣлой съ шумомъ плещутъ,
Зыбью вокругъ, томя глаза,
Воды черныя. Гроза
Въ небѣ громы прокатила,
Даль въ отвѣтъ заговорила;
Вьются молоньи огни,
И въ разливахъ черной бездны
Отражаются они.
Все пропало. Безполезно
Спорить далѣе съ грозой.
Лодка круто повернулась,
Зачерпнула, кувырнулась
И несется вверхъ кормой.

Но лишь только то случилось,
Въ мигъ она преобразилась
И... бѣлугой поплыла,
А прислуга, что была,
Въ омутѣ мгновенно скрылась,
Исчезая средь валовъ
Быстрой стаею снѣтковъ.
Володаря носить море,

Плещеть, хлещеть на просторѣ,
И рѣшилъ нашъ молодецъ,
Что пришелъ ему конецъ,
Но какъ разъ на берегъ дальній
Былъ онъ брошенъ на песокъ,
И, вздымаясь, валъ хрустальный
Отошелъ и въ море легъ.
Такъ то... Много-ли иль мало
Князю тутъ лежать пристало
Самъ голубчикъ разсуди
Что бывало — миновало
А что будетъ — впереди...

Всёя VII.

й вы, струны, гудите,
Перезвоны звоните,
Мы послѣднюю пѣсню поемъ,
Мы споемъ, запоемъ, кубокъ медомъ нальемъ,
Угодимъ вамъ иль нѣтъ, не взыщите.

М. Яковлевъ

очь и день чередою идутъ,
Князь лежитъ недвижимо. Снуютъ
Чайки съ крикомъ надъ нимъ поминутно.
Много ль, мало ли время прошло,
Сколько разъ надъ нимъ солнце взошло,
Не сказалось въ душѣ его смутной,
Спалъ ли онъ или дремалъ
И какіе сны видалъ,
Я не вѣдаю, не знаю,
Сказку дальше продолжаю.

Вотъ глаза онъ пріоткрылъ,
Смотрить: возлѣ ходитъ мышка
И пищитъ ему: «Князь, слышь-ка,
Я, пожалуй, побѣгу
И твой путь постерегу,
Ты жъ смѣлѣй дорогой тѣсной
Направляйся въ край чудесный». .
Не успѣла замолчать,
Воробей сталъ щебетать:
— «Слушай, князь, вставай, мой милый,

И собирайся дюжей силой
Славный подвигъ совершать».

Но усталый и разбитый
Князь спокоенъ какъ убитый
Не тряхнетъ ни головой,
Ни рукою, ни ногой.
Въ этотъ часъ, покинувъ норку,
По песчаному пригорку
Къ князю ящерка ползла,
Вотъ ему на лобъ вползла,
Двигать мордочкою стала,
Носъ хвостомъ пощекотала
И за шею... Князь какъ вскочить,
Какъ ногами затопочеть:
«Это что? Ахъ, чтобъ тебя!»

И рукой прижавъ немножко,
Двумя пальцами за ножку
Сбросилъ ящерку съ себя.
Тутъ, принявъ рѣшенье смѣло,
Онъ на праведное дѣло
Устремился въ тотъ же срокъ,
Вдаль, на сѣверо-востокъ.

Вы устали?

Потерпите,

Сказку все-таки дочтите.

Я-жъ, умѣривъ слова прыть,

Постараюсь краткимъ быть.

Откровенно, коль признаться,

Рѣчью вольной поприжаться

Понуждаетъ и меня.

Переливами звеня,

Сказка такъ насъ усыпила,

Что ни что ужъ намъ не мило,

Поскорѣ бы конецъ...

Я-бъ и радъ, да только снова,

Съ подъ родительскаго крова,

Убѣжалъ нашъ молодець,

Вотъ извольте въ дѣло вникнуть,

Въ колдовство спѣша проникнуть!

Князь опять шагаетъ тамъ,

По доламъ и по горамъ,
Хоть за нимъ не угоняться,
Сказка будетъ продолжаться.
Путь какъ змѣй между скаль изгибается,
Внизъ обрывомъ скользитъ вверхъ вздымается,
То, сорвавшись съ высотъ, въ бездну падаетъ,
То крутою горой въ небо высится:
Глушь вездѣ кругомъ непомѣрная,
И страшитъ себя слово каждое,
Раздается кругомъ оно громкое,
Точно Вой-Буревой по поднебесью,
Но нашъ князь, не смигнувъ, подвигается
Твердой поступью къ цѣли намѣченной,
По дорогѣ, въ каменьяхъ изсѣченной,
Все впередъ и съ пути не сбивается.
Вотъ застлала ему путь дороженьку
Та ли темная ночь безпросвѣтная,
Вся трепещетъ на ней ферязь черная,
И отъ гнѣва звѣзда золотистая
У нея надъ главою вдругъ померкнула.
Ночь завыла глухимъ князю голосомъ:
— «Гой еси, неразумный ты молодецъ,
Ты повѣдай, куда направляешься,
Черезъ мѣру шутить собираешься?»
И повыше лѣсовъ руки вскинула,
Распахнула фату по поднебесью,
Но въ отвѣтъ не спѣша князь ей вымолвилъ,
— «Тьма ли, ноченька ты безпросвѣтная,
Не своею иду сюда волею
Не боюсь я ни зла, ни опасности.
Богъ Господь меня шлетъ, а судьба ведетъ.
«Коль придется сложить здѣсь головушку,

Не съ меня оно послѣ и спросится.
Возопила тутъ ночь страшнымъ голосомъ:
— «Чего хочешь ты взять отъ меня себѣ?
Хочешь звѣздъ золотыхъ, маку соннаго
Иль цѣлебныхъ травъ, иль звѣрья въ лѣсу,
Иль безчетное кладъ богатство?»
Володаръ же ей такъ отвѣтствовалъ:
— «Ничего съ тебя, государыня,
Безпросвѣтная, черноокая,
Мнѣ не слѣдуетъ и не надобно,

А зачѣмъ иду,
То отдамъ тому
Кто послалъ меня
Въ эту сторону»,

И сокрылась ночь за вершинами,
За гору-скалу превысокую.

Межъ обваловъ князь подымается,
Нагибается, упирается,
Не ослабъ въ себѣ думой твердою.
И грозятъ ему камни горячіе,
И дрожатъ вокругъ горы сыпучія
— «Вотъ, раздавимъ тебя, какъ покатымъ,
Погребемъ мы тебя, какъ посыпемъ».
Но впередъ идетъ, не оглянется
Князь своимъ путемъ тихомолочкой.
— «Гой, ты, смѣлый князь, держись
Крѣпче, не сбивайся,
Нашихъ бѣдъ и глубь и высь
Отыскать старайся.
Бѣдъ не мало счесть ли ихъ
Въ этомъ бѣломъ свѣтѣ,
Не страшнѣ насъ самихъ
Только страхи эти.
Страхъ — то вспомни лишь о немъ
Спутникъ самый вредный.
Славу храбрымъ мы поемъ
Славу князю воздаемъ,
Головѣ побѣдной».
На вершинахъ горъ у край пропасти
Заступаетъ ему путь дороженьку
Въ латахъ огненныхъ, со щитомъ златымъ,
Въ шлемѣ пламенномъ, ослѣпительномъ
Само красное, ясное солнышко,
Такъ и мечетъ въ него стрѣлы острыя
И кричитъ ему громкимъ голосомъ:
— «Я не ночь дрема-почиваньице,
Не опутаю тьмою черною,
Ослѣплю тебя свѣтомъ огненнымъ».

«Разожгу тебя всего стрѣлами,
Уложу копьемъ въ темя голову.
Вотъ ослѣпнешь ты, обезумѣешь,
Вотъ падешь, сгоришь весь до косточки.
Не ходи ко мнѣ по дороженькѣ».
— «Ахъ, ты, гой еси, солнце красное,
Свѣтлоокое диво-дивное!
Я иду сюда вольной волею,
Попущениемъ Бога Господа,
Самому ничто мнѣ не надобно,

Все отдамъ тому, кто послалъ меня,
А судьба моя сложить голову,
Не съ меня оно послѣ спросится». —
Отступило прочь солнце красное
И закрылося тучей-облакомъ.
Володарь впередъ, а дорога вдаль,
Въ гору-ль путь лежитъ, кверху князь бѣжитъ.

Вдругъ на князя тутъ поднимается,
Со всѣхъ ногъ къ нему устремляется,
Весъ оборванный, пыльный, включенный,
Съ бородой большой перепутанной,
Старый вихрь сѣдой безалаберный.
Съ воемъ руки вздѣлъ выше облака,
Шапки нѣтъ на немъ, шипить съ присвистомъ,
На ногахъ своихъ такъ и шатается;
Волоса его раздуваются,
Борода его вьется носится,
Князя волосомъ такъ вотъ и пугаетъ.
«Не ходи сюда! Прочь проваливай!»
Зарычалъ завылъ князю бѣдному, —
«Какъ смахну тебя дерзновеннаго,
Съ вышины горы въ глубь бездонную,
Замѣту тебя, размечу тебя,
Поразвѣю прахъ по поднебесью,
Ничего съ тебя не останется».

Да и тутъ его князь не слушался
И сказалъ ему твердымъ голосомъ:
«Не боюсь тебя, дѣда старого,
Не свое я здѣсь
Дѣло дѣлаю,
Что найду, отдамъ
Кому слѣдуетъ».

И со стопами вихрь обрушился,
И спустился князь внизъ съ горы небесъ,
А внизу вездѣ камни черные,
А кругомъ лежать кости бѣлыя.

Вотъ смыкается сводъ пещерою,
Скалы вмѣстѣ высокія сходятся,
Не видать вверху свѣта небеснаго.
А костеръ земной еле плавится,
Краснымъ пламенемъ чуть колыхнется,
Вкругъ зеленый свѣтъ разливается.

Какъ вдругъ встала тутъ, да вся бѣлая...

Сама злая смерть — горе лютое...

Какъ почнетъ она тутъ костлявыми

Да руками врозь поразмахивать,

Пустой челюстью поколачивать,

То змѣей шипитъ, то совой свиститъ.

— «Ты куда идешь? А что надобно?

Чѣмъ служить тебѣ? Чѣмъ прислуживать?

Какъ качать тебя? Какъ укачивать!

Вѣка чѣмъ тебѣ укорачивать?

Что къ тебѣ, сынокъ, приурочивать,

Чѣмъ, скажи, тебя мнѣ попотчевать?»

— «Отойди ты, смерть, не страшна ты мнѣ!»

Ей тутъ князь сказалъ громкимъ голосомъ.

А по жилочкамъ вся застыла кровь,

На головушкѣ, какъ отъ воздуха,

Волоса, дрогнувъ, колыхнулись,

Но еще онъ ей слово вымолвилъ:

— «Я иду де тамъ, гдѣ указано,

И тебя теперь я не слушаю».

Затрещала тутъ смерть суставами,

Просвистала вдругъ три раза подъ рядъ

Да какъ всплается завываньями,
Дикимъ хохотомъ, злобнымъ скрежетомъ,
Со словами тѣми ругательными,
Да съ рѣчами тѣми кусательными:

— «Ишь, щенокъ слѣпой, неосмысленный,
Съ кѣмъ выдумалъ ты сверстатися;
А видалъ ли ты мое диточко?»

Глянулъ князь, у ней вурдалакъ въ рукахъ
Губы красныя облизываетъ,
Его глазомъ зеленымъ пронизываетъ.
«Сила крестная! — князь шепнулъ крестясь, —
Оборонь, спаси отъ погибели».

«Что, позналъ меня, — злая смерть ему, —
Съ губъ скорехонько молочко сьму.

Ишь ты, выдумалъ темный гробъ пытатъ.

Какъ же смѣешь ты планы Божіи

Проникать насквозь слабымъ разумомъ?

И приказаны-ль человѣческой

Знать премудрости силы тайныя

И вѣнецъ вѣнца посередъ польца,

И конецъ конца и всего кольца

Числа четныя и нечетныя?»

Да какъ пустится въ плясъ костлявая,

Сама въ ладъ постъ шепелявая:

«Четъ и нечетъ,

Нечетъ, четъ,

Щуръ костямъ теряетъ счетъ».

Князь, махнувъ рукой, подступаетъ къ ней,

Отвѣчаетъ такъ смерти-горюшку:

— «Лишь животныя безсловесныя

Неспособны славить Господа,

Ходятъ ощупью, спотыкаются,

Да на то, на се натыкаются.

А изъ нихъ изъ всѣхъ лишь свинѣ одной

Въ небеса глядѣть не дозволено.

Человѣкъ растеть, выпрямляется,

Кверху въ небушко устремляется,

Не страшна ему ночь безпросвѣтная,

Не боится онъ свѣта-солнышка,

Не боится онъ вихря бурнаго,

Глушины морей и пучины тьмы

Иль горы вершинъ, или пропасти.

А боится онъ свѣта совѣсти,

А вверху небесъ — Бога истины.

Когда Богъ Господь вдунулъ часть Свою

Въ прахъ колеблемый, глыбу смутную,

Воскипѣлъ въ ней духъ ко Всевышнему,

Человѣкъ пришелъ въ поднебесную,

Началъ славить онъ Бога Господа,

Называть онъ сталъ съ Божьей помощью

Всѣ творенія въ мѣрѣ Божіемъ;

Узнавать онъ сталъ всѣ премудрости,

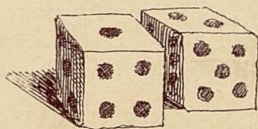
Всѣ дѣянія Свѣта Вышняго.

Кабы гордый змѣй не побилъ его,

Не терялъ бы онъ рая небеснаго,

Не кусала бѣ ты его, поганая...
А иду я здѣсь вольной волею,
А дозволено мнѣ отъ Господа,
А найду коль что, не себѣ возьму,
Но отдамъ тому, кому надобно.
Прочь! — ударилъ онъ первый разъ мечомъ
И еще другой поперекъ крестомъ. —
Прочь, мнѣ путь лежитъ еще далѣе!»
И рассыпалась смерть по косточкамъ,
Воронье вокругъ позакаркало,
И гора предъ нимъ разступилася,
А за ней вдали развернулася
Вся въ сяньи дня земля неизвѣстная.

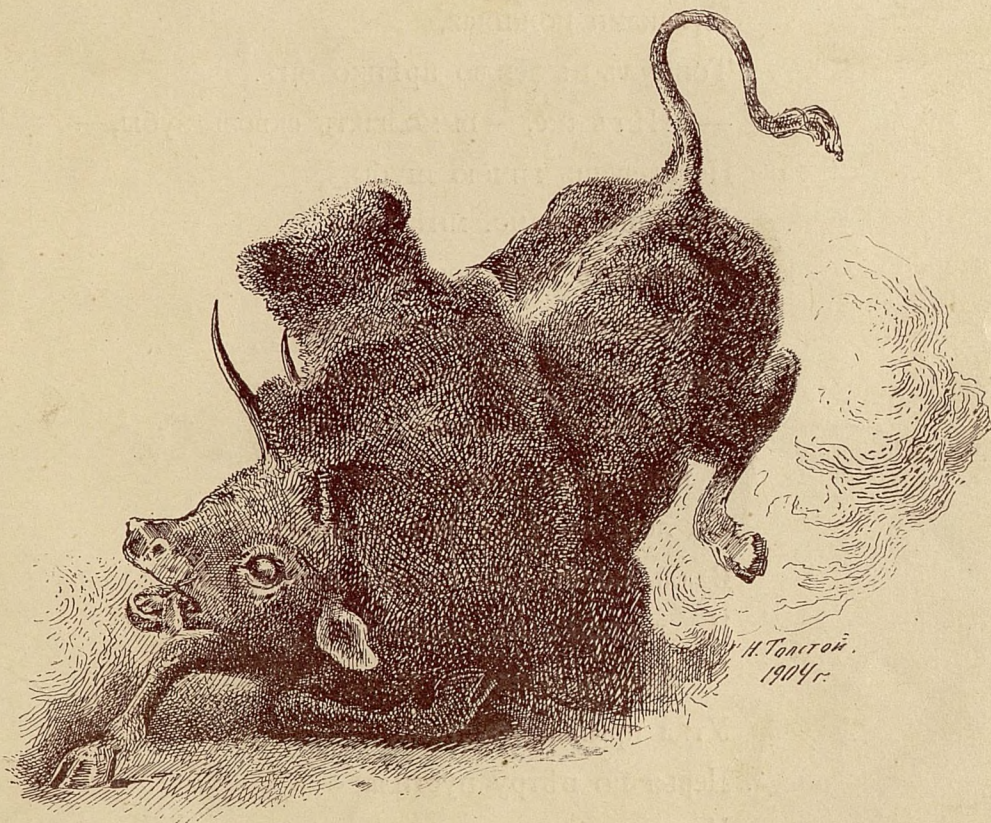
стоятъ средь той долины,
Подлѣ самой середины,
Высочайшіе столбы
Человѣческой судьбы.
А на тѣхъ столбахъ широкихъ
И тяжелыхъ, и высокихъ
Нарисованъ расписной
Всея премудрости земной
Весь узоръ златоплетеный,
До небесъ превознесенный,
Хитроумный съ давнихъ лѣтъ
Заклинаній всѣхъ секретъ:
Вавилонской и халдейской,
И китайской, и индѣйской.
Прелесть тайны на виду —
Только князь-то, на бѣду,
Ничего не замѣчаетъ,
Не умѣетъ и не знаетъ,
Какъ слова тѣ понимать
И читать, и разбирать...

Входъ же межъ столбами чудный
Точно вовсе позабытъ,
Крѣпко-накрѣпко закрыть
Дверью плотною чугуной;
А предъ дверью черный быкъ
Испускаетъ страшный рыкъ.
Вдругъ, озлобась, разъярившись,
Къ Володарю устремившись,
Рыть сталъ землю рогомъ онъ.
Изъ земли раздался стонъ:
Все дрожитъ отъ бычья рева,
У быка-жъ со всѣхъ сторонъ
И отъ пламеннаго зѣва
Дымъ и жаръ клубятся вонъ.
Тутъ, слегка качнувшись влѣво,
Князь изъ всѣхъ могучихъ силъ
Въ шею мечъ ему всадилъ.
Хоть ударъ былъ, право, знатный,
Разлетѣлся мечъ булатный,
Только руку князь зашибъ,
Мечъ и кожи не прошибъ.

Быкъ же черный, повернувшись,
Князя къ дереву прижалъ:
«Ну, — подумалъ князь, метнувшись, —
Мой конецъ теперь насталь.»

Онъ хватается за сердце,
Вдругъ нашла сама рука
Въ боковой полѣ у сердца
Три медвѣжьи волоска.
Самъ не зная какъ, съ испуга,
Онъ потеръ ихъ другъ о друга,
Во весь голосъ закричалъ
И какъ снопъ на землю палъ.
Въ одинъ мигъ случилось чудо,
Непонятно какъ, откуда:
Налеталъ большой медвѣдь,

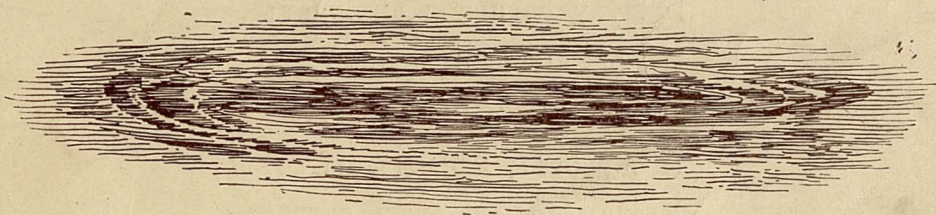

Сталь бросаться и ревѣтъ;
Быкъ упаль окровавленный,
Князь вздыхаетъ ободренный,
У быка же, вдругъ, глядитъ,
Утка изъ роту летить
И за тучей пропадаетъ.
Какъ тутъ быть, что дѣлать съ ней,
Колдовство то видно въ ней?
Князь съ печалью разсуждаетъ,
Удивленъ и пораженъ.
Вотъ съ досады, усъ кусая,
Кулаками пожимая,
Топнулъ въ землю крѣпко онъ.
— «Нѣтъ же, — вымолвилъ сквозь зубы, —
Не сдерешь зимою шубы,
Шутишь, видно, мнѣ пора
Вспомнить зятя три пера».
Только ихъ тереть принялся,
Какъ орелъ большой поднялся,
Въ небесахъ, взмывая, сталъ
И какъ пуля внизъ упалъ.
Съ лета въ утку онъ ударилъ,
Вдаль полетъ къ горамъ направилъ
И... растаялъ въ вышинѣ.
Замеръ воздухъ въ тишинѣ.
Утка крылья опустила,
Перья по вѣтру пустила
И, роня пухъ съ чела,
Тихо падать начала.
Но вдругъ вскинула крылами,
Прокричала надъ водами

И сронила внизъ яйцо.
Яйцо въ морѣ погружалось,

Быстро въ морѣ разбѣжалось
Далеко кругомъ кольцо,
И вода сомкнула снова
Голубую гладь покрова.

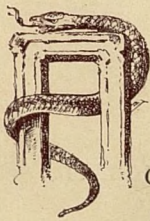
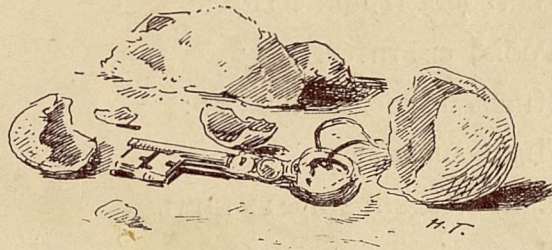

«Ну, — подумалъ князь, — ау! —
И развелъ въ досадѣ руки, —
Колдуна должно быть штуки
Провели насъ наяву.

Видно, ложки просить каша,
Да не плохъ и я!.. Пстой!
Верхъ пусть твой — макушка наша,
Вѣдь чешуйки-то со мной!»
Только ихъ онъ изъ кармана,
Даль исчезла средь тумана,
Вѣтеръ моремъ полетѣлъ,
Зашумѣлъ и загудѣлъ.

Туча двинулась за тучей,
Закружились чайки кучей,
Побѣжали волнъ ряды,
Князь дивится, глядь туды:
Тамъ изъ бездны выплываетъ
Чудо-Юдо вверхъ воды,
Пасть широко открываетъ
И яйцо въ песокъ роняетъ.
Володарь къ нему бѣжитъ,
Самъ отъ радости дрожитъ,
Его въ руки подбираетъ,
На ладони поднимаетъ,
Къ уху слушаетъ, пожметъ
И повернетъ, и лизнетъ,
И трясетъ, и примѣряетъ,
Поскребетъ, глядитъ на свѣтъ,
Угадать-бы, въ чемъ секретъ.
Но увы, отвѣта нѣтъ.
Вотъ, не зная, что придумать,
Не хотѣлъ онъ дольше думать,
Размахнулся да какъ хватъ
О камня его... Глядь,
Яйцо звонко покатилося,
Подпрыгнуло и разбилося,

А въ скорлупкѣ-то пустой
Ключикъ блещетъ золотой.
«Вотъ его-то мнѣ и надо! —
Князь воскликнулъ, — этотъ ключъ,
Какъ въ потемкахъ солнца лучъ,
Всѣмъ трудамъ моимъ награда».

одбѣгаетъ онъ тутъ къ двери радостно,
До замка лишь ключемъ тѣмъ дотронулся,
Какъ скрипя дверь открылась желѣзная,
А за нею тьма-пропасть бездонная.
Сходитъ внизъ Володаръ переходами,
Подземелье подъ нимъ опускается,
Все изъ края въ конецъ сѣтью забрано,
Паутиною все позатянуто.

Тамъ желѣзный паукъ, видно, искони
Заплеталъ путь стальною, вишь, проволокой.
Только шагъ шагнетъ Володарь впередъ,
Паутина та прорывается.
Видитъ князь, огонь вдали брезжится,
Еле-чуть дрожитъ пламя, теплится
По стѣнамъ глухимъ,
По заплѣснѣлымъ,
Какъ послѣдній вздохъ
Робко свѣтится.
Князь впередъ глядитъ:
Диво-дивное!
Спитъ, лежитъ предъ нимъ
Чудо-дѣвица
Красоты такой
Неописанной,
Что смотрѣть нельзя,
Не прикрывши глазъ.
Въ головахъ ея
Столъ изъ мрамора,
Заклинанія въ немъ иссѣчены,
Знаки дивные понамѣчены.
Долго князь его все поглаживалъ,
Поворачивалъ, приулаживалъ,
Все вертѣлъ въ рукахъ, все допрашивалъ,
Почему да какъ, что и отчего.
Вдругъ какъ да схватилъ его,
Приподнялъ и грохнулъ о земь...
И рассыпался въ мелкія дребезги
Столъ на тьмы кусковъ по подполію.
Своды ахнули,
Пыль поднялася,

Запылалъ ночникъ
Свѣтомъ радостнымъ.
Подымалась вдругъ душа-дѣвица,
Просыпалась тутъ ненаглядная.

— «Вотъ спала-то я, сладко выпалась, —
Говорить она, озираючись.
Но увидѣла она рыцаря
И закрылась вновь шалью бархатной.
— Это ты опять, мой недобрый другъ,
Злой колдунъ, лихой, докучаешь мнѣ?
Тебѣ сказано, что я буду спать
До конца-концовъ, до послѣдняго,
И не дамъ тебѣ сердца бѣднаго».
— «Полно, дѣвица-раскрасавица,
Ты взглядишь, всмотришь, — Володаръ сказалъ, —
Предъ тобою я, а не злой колдунъ,
Я защитникъ твой, избавитель твой.
Встань, проснись, краса ненаглядная,
Выди вонъ на свѣтъ,
Взглянь на солнышко».
Вотъ встаетъ, идетъ красна дѣвица
И выходитъ съ нимъ на широкой лугъ,

А на томъ лугу лошадь бѣлая,
 Конь серебряный щиплетъ травушку,
 Подошель, заржалъ, у ихъ ногъ прилегъ.
 Сѣли на лошадь князь и дѣвица,
 И поднялъ ихъ конь выше облака,

И примчалъ ихъ вмигъ къ дому отчому,
 А въ дому идетъ пированіе,
 Столованіе, ликованіе.
 Тамъ собиралися ото всѣхъ концовъ,
 Тамъ съѣзжались съ четырехъ сторонъ
 Три сестры съ семьей къ отцу-матери
 И красавецъ князь съ чудной дѣвицей.
 Какъ увидѣли его издали,
 Закричали всѣ громкимъ голосомъ,

Затрубили въ тѣ трубы звонкія,
 Затрзвонили въ большой колоколь,
 Клиръ запѣлъ хвалу Богу-Господу.
 И сыграли вразъ свадьбы знатныя:
 Ихъ четыре тутъ свадебъ было всѣхъ.
 Какъ, отпраздновавъ, протрезвились,
 Поразѣхались добры молодцы
 Каждый съ милою со хозяйшкой
 На четыре всѣ разны стороны,

По Руси святой, свѣту бѣлому,
Заложили тамъ всѣ по княжеству
И построили города свои:
Зачинался тамъ старый Новгородъ,
Возвышался тамъ древній Изборскъ,
Тамъ заложенъ былъ городъ Езеро.
Володарь же нашъ строилъ славную
Златоглавую Москву-Матушку.
Князь съ княгинею въ стольномъ Кіевѣ
Въ тое времячко оставались.
Тутъ послѣдняя и пришла строка,
Да и намъ пора отдохнуть пока.

ала, пала сила вражья,
Краше прежняго краса,
И князья и дѣти княжьи
Прославляютъ чудеса.
Послѣ долгихъ мукъ и плѣна
Образъ Божій обрѣтя,
Радъ и князь, что перемѣна
Съ нимъ случилась не шутя.
Что отъ нынѣ онъ, какъ прежде,
Честнымъ домомъ будетъ жить,
Въ счастье, въ радостной надеждѣ
Станетъ вѣрить и любить.
Что онъ можетъ восхищенный,
А за нимъ ихъ славный родъ,
Крикнуть всѣмъ освобожденный
Веселись честной народъ!
Здѣсь мы славу поемъ,
Князю честь воздаемъ,
А княгинѣ красѣ
Мы поклонимся всѣ.
Ты сіяй намъ солнце правды,
Наша русская краса,
Наша родина святая
Чистой вѣры небеса.
Пусть же наше красное платье
Не износится,

Пусть душа изъ груди
Въ честный бой впереди
За любимую родину — мать
Рвется-просится,
И пускай съ этихъ поръ
Нищета къ намъ на дворъ
Не является,
Бѣлой пѣной игрой,
Золотою сытой
Наша чаша въ пиру
Наполняется.
Солнцу на небѣ — Слава!
Слава царю на землѣ!
А и вѣрѣ православной — Слава!
Слава хлѣбу на столѣ!
Слава каждой Божьей твари;
Слава доброму всему;
Богу Слава!
Въ каждомъ дарѣ
Воздаемъ хвалу Ему.

